

ФОНД «ЛИБЕРАЛЬНАЯ МИССИЯ»

**СЕМЬ ТОЩИХ ЛЕТ:
РОССИЙСКАЯ ЭКОНОМИКА
НА ПОРОГЕ СТРУКТУРНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ**

МАТЕРИАЛЫ КРУГЛОГО СТОЛА

Под редакцией Кирилла Рогова

Москва 2016

УДК

ББК

С

С Семь тощих лет: российская экономика на пороге структурных изменений : Материалы круглого стола / под ред. К. Рогова. – Москва : Фонд «Либеральная Миссия», 2016. – с.

ISBN

В рамках круглого стола, проведенного фондом «Либеральная Миссия» под председательством Евгения Ясина в марте 2016 года, известные экономисты и эксперты обсудили основные развилки и проблемы адаптации экономики России к низким внешним доходам и связанные с этим вызовы для социально-экономического и политического развития страны. Этот диалог представляется весьма своевременным и плодотворным, хотя, безусловно, не исчерпывающим – скорее он намечает карту дальнейшего, более детального анализа.

УДК

ББК

ISBN

© Фонд «Либеральная Миссия», 2016

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора	4
Участники круглого стола	6
Основные тезисы.....	7

МАКРОЭКОНОМИКА

<i>Евсей Гурвич. Дисбалансы тучных лет и адаптация к «нормальности»</i>	12
---	----

ФИНАНСОВЫЙ СЕКТОР

<i>Олег Вьюгин. Консолидация банковского сектора: факторы и развилки</i>	20
--	----

РЕАЛЬНЫЙ СЕКТОР

<i>Наталья Акиндинова. Обратная адаптация: четыре сценария</i>	25
--	----

ВНЕШНЯЯ ТОРГОВЛЯ

<i>Наталья Волчкова. Перспективы экспортной диверсификации: голландская болезнь или провалы экономической политики?</i>	35
---	----

РЫНОК ТРУДА

<i>Владимир Гимпельсон. Парадоксы кризисной адаптации</i>	46
---	----

ДОХОДЫ ДОМОХОЗЯЙСТВ

<i>Лилия Овчарова. Динамика доходов и неравенство богатства</i>	54
---	----

СОЦИАЛЬНЫЕ НАСТРОЕНИЯ

<i>Лев Гудков. Посткоммунистический рессантимент: кризисы ведут к реанимации советских представлений, а не к росту спроса на перемены</i>	61
---	----

ПОЛИТЭКОНОМИЯ КРИЗИСА

<i>Кирилл Рогов. «Нефтяное проклятие» в России (2010–2014) и его последствия ...</i>	70
--	----

От редактора

В обсуждении текущего кризиса в российской экономике до сих пор преимущественно доминируют краткосрочные и конъюнктурные вопросы – рассуждают о колебаниях цен на нефть и курса рубля, дискутируют о том, достигла ли уже экономика дна, как перераспределить сокращающиеся бюджетные ресурсы и каким образом покрыть их дефицит.

Тем временем в последние месяцы практически сложился новый экспертный консенсус относительно того, что низкие цены на нефть – это среднесрочный или долгосрочный фактор. Это означает, что несколько (или даже много) лет российская экономика будет жить в принципиально иных условиях, нежели те, в которых она существовала предыдущее десятилетие. Если цены на нефть будут в течение ближайших 4–5 лет находится в среднем на уровне около 50 долларов за баррель (такой сценарий сегодня не считается пессимистическим), то в постоянных долларах это будет примерно соответствовать уровню цен 2004 года. Учитывая, что с тех пор объемы добычи и экспорта нефти выросли, доходы от нефтяного экспорта в этом ценовом сценарии будут примерно соответствовать уровню 2005 года, то есть уровню, на котором они были более 10 лет назад. Этот условный сценарий (а ни в коем случае не прогноз) позволяет спрогнозировать те структурные изменения и те вызовы для российской экономики, общества и политической системы, с которыми мы столкнемся в случае его реализации.

Дело в том, что с 2005 года структура российской экономики сильно изменилась, приспособившись к растущим масштабам внешних доходов и укрепляющемуся рублю. Менялась структура и характер потребления, структура импорта, производственные технологии, ориентировавшиеся на использование преимуществ, связанных с удешевлением импорта инвестиционных товаров, масштабы и структура расходов публичного сектора, рынок труда, стандарты жизни и система социальных запросов. Достаточно сказать, что в начале 2010-х Россия перешла в разряд стран с высокими доходами по классификации Всемирного банка.

Теперь, если ориентироваться на упомянутый выше прогноз нефтяных цен, экономике предстоит обратная адаптация. Средняя зарплата в России в начале 2014 года равнялась почти 900 долларам, сегодня она вернулась на уровень

400 долларов и, скорее всего, опустится еще ниже. Но это означает существенно иную структуру потребления. Что, в свою очередь, скажется на всей экономике – на производстве, секторе услуг, размерах финансового сектора, рынке труда. Как будет проходить эта адаптация? Перед какими вызовами поставит она страну? Какими конфликтами и дисбалансами будет сопровождаться?

Сегодня мы не знаем ни какими будут нефтяные цены, ни того, как нефtezависимые страны будут выходить из периода высоких цен. Но мы знаем, что прошлый цикл выхода из нефтяного бума оказался довольно тяжелым для многих, но особенно тяжелым, можно сказать катастрофическим, для двух стран – СССР и Венесуэлы. В обоих случаях катастрофа не в последнюю очередь была связана с тем, что экономики этих стран не смогли адаптироваться к новой ситуации, не смогли найти компенсаторных механизмов при резком изменении внешних условий.

В рамках круглого стола, проведенного фондом «Либеральная Миссия» под председательством Евгения Ясина, известные экономисты и эксперты обсудили основные развилки и проблемы адаптации экономики России к низким внешним доходам и связанные с этим вызовы для социально-экономического и политического развития страны. Обсуждение оказалось весьма плодотворным, хотя, безусловно, не исчерпывающим – скорее оно наметило карту дальнейшего, более детального анализа.

Участники круглого стола

Евсей Гурвич, руководитель Экспертной экономической группы.

Олег Вьюгин, председатель совета директоров МДМ Банка.

Наталья Акиндинова, директор института «Центр развития» НИУ ВШЭ.

Наталья Волчкова, профессор РЭШ.

Владимир Гимпельсон, директор Центра трудовых исследований НИУ ВШЭ.

Лилия Овчарова, директор Независимого института социальной политики.

Лев Гудков, директор «Левада-центра».

Кирилл Рогов, фонд «Либеральная Миссия».

Основные тезисы

Макроэкономика

Анализ нефтяного суперцикла и долгосрочного тренда показывает, что цена на нефть в районе 50 долларов за баррель является не низкой, а нормальной. России предстоит переход к этой «нормальности». В период высоких цен на нефть в российской экономике сформировались дисбалансы, связанные с более быстрым ростом заработной платы и расходов бюджета по сравнению с темпами роста ВВП, – эти дисбалансы и являются сегодня важнейшим вызовом на пути адаптации к «нормальности». Необходимость сокращения бюджетного дефицита очевидна, однако, чтобы сформировать условия для будущего роста, следует предпринимать усилия по изменению вектора экономической политики и повышению эффективности расходов. В противном случае доля России в мировом ВВП будет сокращаться в течение длительного времени.

Финансовый сектор

Быстрое развитие финансового сектора в предыдущем периоде было связано не только с высокими ценами на нефть, но и с благоприятными условиями импорта капитала. Сегодня финансовый сектор оказался перед лицом двойного вызова – падения цен на нефть, ведущего к сокращению объема внутренних ресурсов, и отрезанности от внешних рынков капитала. Резкое сокращение сектора неизбежно, однако его темпы будут зависеть от уровня жесткости монетарной политики: эмиссия будет способствовать более пролонгированной и мягкой консолидации финансового сектора. Критическое значение для его развития имеет восстановление связей с внешними рынками капитала. При наличии большого пула государственных банков стимулы для поддержки финансового сектора в целом для правительства снижаются, однако вымывание частных банков создаст большие проблемы для конкуренции в банковском секторе и в результате для эффективности финансового сектора в будущем.

Реальный сектор

В тучные годы структура экономики существенно изменилась: доля неторгуемого сектора увеличилась, а торгуемого – сократилась. Обратной адаптации реального сектора за счет условий, созданных ослаблением рубля, препятствует в

настоящее время ослабленность рыночных стимулов и резкое снижение уровня открытости экономики. Инерционные сценарии адаптации предполагают умеренно жесткую бюджетную политику, использование существующих фондов, неизменность основных характеристик рыночной среды. В этом случае рецессия продлится до 2019 года, а накопленный спад экономики превысит 10% ВВП. В эмиссионном варианте инерционного сценария после короткого периода оживления экономика вернется к отрицательным темпам роста. Неинерционные сценарии предполагают вынужденную либерализацию экономики, при этом правительство может либо пойти на резкое сокращение бюджетных расходов, либо попытаться сохранить их, повысив налогообложение. Наиболее благоприятный сценарий подразумевает сочетание внутренней либерализации и преодоление внешней изоляции, что позволит привлечь дополнительные ресурсы и перейти к расширению экономики.

Внешняя торговля

Вероятность долгосрочного периода низких цен на нефть делает предельно актуальной задачу наращивания масштабов несырьевого экспорта, а потому особенно важно установить причины, препятствовавшие диверсификации экспорта в прошлом. Как показывает анализ, российская экономика не страдала от «голландской болезни», а укрепление рубля оказывает разнонаправленное влияние на обрабатывающую промышленность. Среди причин, ограничивающих рост объемов экспорта, можно указать на недостаток крупных экспортеров и низкую производительность имеющихся, а также на тарифную политику, которая ведет к сильному антиэкспортному смещению. Задачу наращивания несырьевого экспорта усложняет то, что товары, обеспечивающие сравнительное преимущество России, находятся на периферии товарного пространства. Использование преимуществ, связанных с ослаблением рубля, возможно лишь если будут созданы условия для прихода крупных инвесторов, ориентированных не на внутренний рынок. В целом же для решения задачи по наращиванию несырьевого экспорта требуются серьезные сдвиги в экономической политике в целом и в тарифной политике в частности.

Рынок труда

В отличие от развитых стран российский рынок труда (как и в некоторых других развивающихся странах) реагирует на снижение выпуска не ростом безработицы, а снижением заработной платы. Эта особенность определяется характером институтов на рынке труда, и, несмотря на определенные отличия от кризиса 2008–2009 годов, этот механизм реакции продолжает действовать и в ходе нынешнего кризиса. Это ведет к общему снижению производительности. Кроме того, безработными, как правило, оказываются люди, наименее производительные, а смягчение экономического шока за счет ценовой подстройки касается всех, включая и самых производительных. Основными абсорберами занятости в прошлом были торговля, услуги и строительство, но они же сегодня являются первыми и наиболее явными жертвами рецессии. Старые фирмы нуждаются в росте производительности, то есть сокращении занятости или росте выпуска без найма новых работников. Новые фирмы не появляются в нужном количестве из-за институциональных ограничений. Сброс занятости в формальном секторе будет абсорбироваться сектором неформальным, а снижение заработной платы продолжится.

Доходы домохозяйств

Нынешний эпизод падения реальных доходов уже пятый за постсоветскую историю. От предыдущих эпизодов 1998 и 2008 годов он отличается своей длительностью. На протяжении 2015 года сохранялись ожидания быстрого отскока, однако конец 2015 – начало 2016 года отмечены резким ростом пессимизма. Важным отличием от предыдущего периода и предыдущих шоков стало резкое сокращение доли доходов от предпринимательства в общей структуре доходов и увеличение доли социальных выплат. В рамках нынешнего кризиса снижение заработной платы не будет смягчено за счет фактора предпринимательских доходов. При достаточно высоких показателях неравенства доходов особенно острой является проблема неравенства богатства. При этом меритократические факторы неравенства доходов остаются менее значимыми, чем в других странах.

Социальные настроения

Социальные настроения свидетельствуют о скором окончании двух циклов. Во-первых, периода патриотического подъема, связанного с Крымом и украинской кампанией. Социальная тревожность, вызванная ухудшением экономической ситуации, вытесняет чувство подъема, хотя и не конвертируется в инвективы в отношении власти. Второй, более длинный цикл – это идеологическая парадигма транзита, в рамках которой надежды на благосостояние ассоциировались с заимствованием западных институциональных моделей, рынком и демократией. Индекс социальных настроений ведет себя нетривиальным образом. Связанность составляющих индекса была нарушена еще в начале 2010-х годов, когда связь между экономическими оценками и оценками власти ослабла. Патриотическая мобилизация на время восстановила эту связь, однако в конце 2015 года произошел разрыв в другую сторону: теперь резкое ухудшение показателей социального самочувствия не координируется с оценками власти, которые остаются на высоком уровне. В то же время в силу сохраняющейся рессантиментной реакции кризисы ведут к реанимации советских моделей, а не к спросу на перемены.

Политэкономия кризиса

Россия относится к категории стран, которые достаточно сильно реагируют на кризисы, связанные с перепадами цен на нефть, – это страны со средним (или несколько выше среднего) уровнем доходов (в терминах ВВП на душу населения) и средним (невысоким) уровнем доходов от добычи нефти. На протяжении всего периода высоких цен на нефть роль государства в экономике увеличивалась, а во второй фазе нефтяного бума возрастала роль государственного перераспределения сырьевой ренты при снижении роли рыночных механизмов в обеспечении роста дохода граждан и поддержания социальной стабильности. Это в свою очередь вело к изменению политических балансов: роль элит и социальных групп, связанных с контролем и перераспределением ренты, возрастала. В условиях резкого сокращения размеров ренты эта ситуация чревата серьезными конфликтами. На фоне снижения уровня поддержки режима вследствие снижения уровня жизни конфликты за перераспределение издержек кризиса будут обостряться. Стратегия поддержания бюджетных расходов на

высоком уровне и покрытия дефицита за счет фискальной консолидации будет вести к дальнейшему ослаблению рыночных факторов.

МАКРОЭКОНОМИКА

Евсей Гурвич

Дисбалансы тучных лет и адаптация к «нормальности»

Нефтяной суперцикл: 15 лет низких цен или возвращение к норме?

Все мы знаем, что движение цен на нефть остается не до конца познаваемым и предсказуемым, тем не менее нужно строить рабочие гипотезы. Мы попытались и пришли к выводу, что по крайней мере в последние 45 лет можно выявить циклы изменения цен с длиной волны примерно в 30 лет. То есть если в Древнем Египте был «пшеничный цикл», где чередовались семь лет тучных и семь лет тощих, то у нас 15 лет дорогой и 15 лет дешевой нефти (рис. 1). Размах колебаний очень велик: на пике по сравнению с нижней точкой примерно в 6 раз, а в среднем в верхней фазе цены примерно в 3,5 раза выше, чем в нижней. Тренд имеет очень слабую тенденцию к росту примерно на 1% в год, и сейчас трендовая цена лежит где-то в районе 50 долларов за баррель.

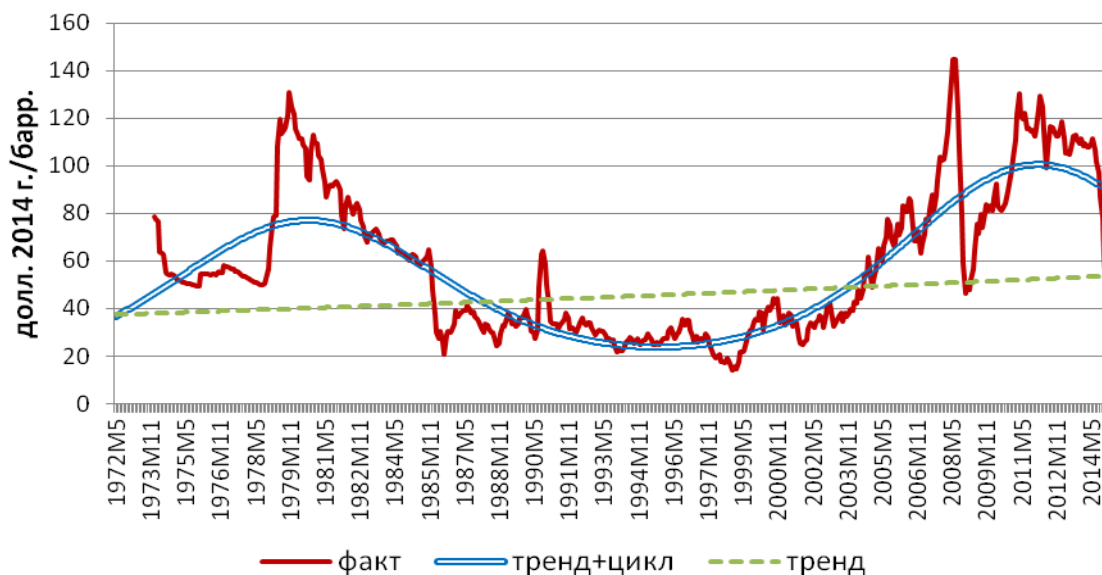

Рис. 1. Нефтяной суперцикл

Интересно, что каким-то непостижимым образом нефтяной суперцикл точно синхронизирован с политическим циклом. По крайней мере, для нашей страны: 17 лет правления Брежнева попали на период высоких цен, и поэтому это время осталось в народной памяти с большим знаком «плюс». За этим последовала «низкая» фаза цикла, когда цены были намного ниже тренда, – она пришлась в точности на периоды руководства Горбачева и Ельцина, которые, соответственно, остались с «минусом». Где-то в 1998 году цены на нефть прошли нижнюю точку и начали расти, примерно в 2004–2005 годах они перешли в «высокую» часть цикла и достигли пика в районе 2012-го. Сейчас они закономерно вступили в фазу падения. Удивительно только, что оно было столь резким. Тем не менее долгосрочный тренд цены находится в районе 50 долларов за баррель, то есть летом она как раз соответствовала «нормальному» уровню, а сейчас несколько ниже.

Что ожидает нас дальше? Прогноз, выпущенный Всемирным банком в конце января, предполагает цену на российскую нефть марки Urals в постоянных долларах в \$ 37–38, то есть ниже тренда, в следующем году достаточно быстро переходим к 47 долларам; затем цена медленно повышается, по 2–3 доллара в год. Через несколько лет мы возвращаемся, согласно этой рабочей гипотезе, на тренд, и дальше цены идут немного выше тренда.

Какой из этого вывод? Неверно говорить, что пришли черные дни. Если верить этому прогнозу, нас ждут не тощие годы, а годы нормальной упитанности. Проблема в том, что мы неправильно интерпретировали предыдущий период. Это был праздник – высшие силы послали нам манну небесную в виде нефтедолларов. Один доллар за баррель в цене для России стоит примерно 3,5 млрд долларов в год. Если в среднем в 1990-е годы цена была в нынешних долларах порядка девятнадцати, а трендовый уровень – порядка пятидесяти, то, значит, мы тогда недополучали примерно 100 млрд долларов в год. А в последние годы, когда нефть стоила более 100 долларов за баррель, мы этой манны получали в год почти 200 млрд и считали, что это навсегда. Но праздник неожиданно кончился, наступили будни.

Что говорили еще совсем недавно наши «виночерпии и визири», то есть люди, занимающие позиции, сопоставимые с позицией библейского Иосифа при фараоне? Они говорили, что в ближайшие 10 лет цены не опустятся ниже

100 долларов, что ниже 90 долларов цена не упадет никогда, что цен ниже 80 долларов мировая экономика не выдержит, и т.д. Справедливости ради должен сказать, что во всем мире прогнозисты оказались не столь проницательными, как Иосиф.

Таким образом, проблема у нас следующая: как жить в будничных обстоятельствах, когда мы настроились на праздник? А тощие годы остались в голодных 1990-х. Тогда цены действительно были намного ниже тренда.

Дисбалансы нефтяного роста

При всей важности нефтяного цикла нельзя все сводить к нему. Во-первых, сегодня не только цены на нефть, но и мировая экономика в целом отличаются сильной турбулентностью (положение дел в Китае и т.д.), и это отдельная проблема. Все прогнозы со дня на день пересматриваются. Второе – еще до того, как упали цены на нефть, до того, как были введены санкции, наш рост затухал.

Начиная с кризиса 2009 года он более чем на 90% коррелировал с изменением цен на нефть и нефтегазовых доходов. Когда в 2011–2012 годах цены на нефть стабилизировались на высоком уровне, рост ВВП снизился до 1,3% и имел тенденцию к дальнейшему снижению. Значит, у нас две проблемы: как жить, получая лишь половину прежних нефтяных доходов, и как развернуть угасающий экономический тренд. Одна проблема среднесрочная, вторая долгосрочная.

Последствия падения цен на нефть – это во многом зеркальное отражение того, что происходило при растущих нефтяных ценах. Тогда рос внутренний спрос, это давало толчок развитию неторгуемых секторов, росли доходы людей, росли доходы государства. В 2015-м ВВП у нас вырос примерно на 87% по отношению к 1999 году, реальная зарплата – на 274%, доходы бюджета – на 193%. Рост реальной зарплаты в 3,5 раза превысил рост ВВП, рост бюджетных доходов – больше чем в два раза. Когда нефтяные цены вернулись на уровень примерно 2005 года, эти дисбалансы и стали нашей главной проблемой.

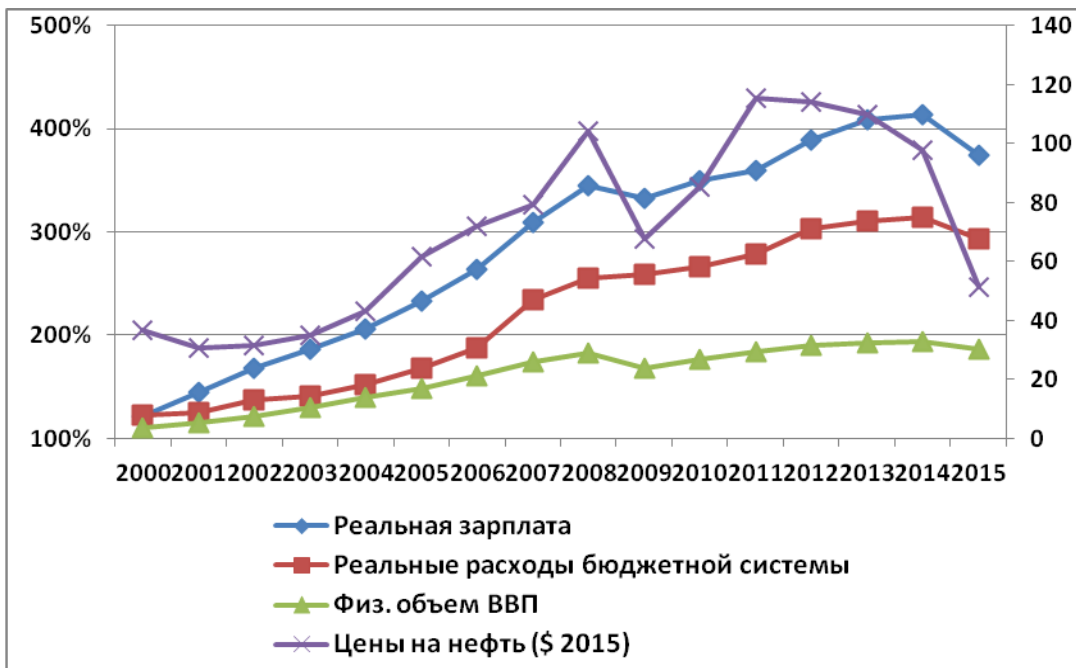

Рис. 2. Динамика макроэкономических показателей (1999–2015)

Разрыв между уровнями зарплаты и производства – это угроза конкурентоспособности нашей экономики. И соответственно, нужно стараться хотя бы частично восстановить конкурентоспособность. Следующая проблема – разрыв между доходами и расходами бюджета. Хотя у нас сейчас, по международным меркам, не такой уж большой бюджетный дефицит (в прошлом году – 3,5% ВВП для расширенного бюджета), проблема в том, что у нас нет источников финансирования, то есть возможности увеличить заимствования. В 2016 году запланировано, что дефицит составит примерно 2,4 трлн рублей. Из них больше 90% финансируется за счет резервного фонда, и к концу года должен остаться 1 трлн рублей. Это чуть больше 1% ВВП, но бюджет составлен при цене 50 долларов, тогда как уже сейчас большинство прогнозов исходит из того, что цена будет ниже. Если ничего не делать, мы за один год потратим весь резервный фонд. Остается открытым вопрос: как жить дальше, по крайней мере до выборов 2018 года?

Мировой банк строит свой прогноз на том, что сейчас доходы нашей бюджетной системы ниже того, что было в 2014 году, примерно на 15% в реальном выражении. Согласно этому прогнозу, наши реальные бюджетные доходы только к 2025 году выйдут на уровень 2014-го. Свыше 10 лет мы будем жить без роста доходов бюджетной системы, тогда как прежде им случалось расти больше, чем на 10% в год в реальном выражении.

Некоторые говорят, что нужно проводить антикризисную политику, замещая потерю внутреннего спроса дополнительными тратами. На мой взгляд, это несерьезное предложение. Представьте себе, что вы потеряли половину своих доходов, но хотите жить, как жили раньше. Это верный путь к скорому банкротству.

Необходимость масштабного сокращения бюджетного дефицита – вторая наша проблема, возникающая в результате снижения цен на нефть. Понятно, что резать бюджетные расходы несопоставимо более тяжелая задача, чем адаптировать внешний баланс. За 2008–2010 годы, например, реальная средняя пенсия выросла на 75%, а совокупные расходы на пенсии – почти на 4 процентных пункта ВВП. А теперь попробуйте этот процесс провести в обратном направлении и представьте, какие будут последствия.

Адаптация бюджетных расходов: два пути

Тем не менее нам придется провести эту адаптацию. Есть два пути. Один путь – просто сокращать расходы, пассивно адаптируясь к внешнему шоку. Признаком выбора такого пути будет сокращение расходов, которые никто не защищает, за которыми никто не стоит. Понятно, что легче всего сократить дефицит, например, за счет отмены накопительной системы пенсий, потому что за ней стоят будущие поколения, которых пока еще нет, и, соответственно, они не могут защитить себя. Легко отказаться от неначатых инвестиционных проектов и т.д. Тяжело сокращать социальные расходы – это серьезная политическая проблема. Тяжело, по-видимому, сокращать военные расходы. На самом деле как раз то, что легко сокращать, наиболее полезно для экономики. А те расходы, которые тяжелее всего сокращать, наименее ценны с точки зрения долгосрочного развития.

Выбирая первый путь, мы пассивно решаем чисто ситуационные задачи (хотя и это нелегко, но я вижу готовность правительства принимать такие непопулярные, но необходимые для бюджетного оздоровления меры). Но можно выбрать другой путь – и тогда мы проводим более сложную политику, повышаем эффективность расходов и меняем вектор экономической политики.

Пока признаков этого не видно, что косвенно отражается в изменении расходов. В 2015 году по сравнению с 2013-м больше всего выросли расходы на оборону – на 21%, притом что общие расходы снизились в реальном выражении на 5,7%

(табл. 1). За счет чего в основном снижались расходы? За счет национальной экономики, инвестиционных проектов, образования, здравоохранения, социальной политики. Заметим, что федеральный бюджет будущего года тоже предусматривает самое большое сокращение расходов на образование, здравоохранение. Но как долго такое сокращение расходов в рамках пассивной политики адаптации население и другие заинтересованные лица готовы выдерживать?

Таблица 1. Изменение основных статей бюджетных расходов в реальном выражении

Статья расходов	Расширенный бюджет 2015/2013 (%)	Федеральный бюджет 2016/2015 (%)
Расходы, всего	-5,7	-3,1
Оборона	21,3	-7,1
Национальная экономика	-7,7	3,8
Образование	-15,7	-10,9
Здравоохранение	-0,9	-10,6
Социальная политика	-3,9	-1,9

Еще одна проблема: если мы не будем проводить активные реформы, то можем остаться без всяких бюджетных резервов. Если в ближайшие годы мы используем все резервы, то наполовину окажемся в ситуации 1998 года. Между тем, большая разница в том, как мы проходили кризисы 1998 и 2009 годов. И экономическая, и социальная, и политическая. Так, в 1998 году реальная зарплата упала на треть, в 2009-м – почти не изменилась. В 1998 году реальная пенсия сократилась на 42%, а в 2009-м – выросла.

Цена реформ

Крайнее проявление этих рисков демонстрируют события в Венесуэле. За последние два года ее ВВП упал на 14%. По прогнозам МВФ, за пять лет будет падение на 25%. У них происходит гигантское сокращение бюджетных доходов, которое заставляет правительство сокращать расходы, применять монетарное

финансирование. Там инфляция уже больше 200% в год. Не хотелось бы допускать такого сценария.

Для того чтобы пойти по второму пути – продуктивному, необходимы серьезные реформы. Нужно защищать собственность, снимать барьеры на пути входа на рынок для всех, тогда как сейчас эти барьеры преодолимы только для «своих». Нужно сокращать роль государства в экономике и т.д. За каждой такой реформой стоят важные группы интересов, блокирующие их, но мы должны учитывать и опасность отсутствия реформ.

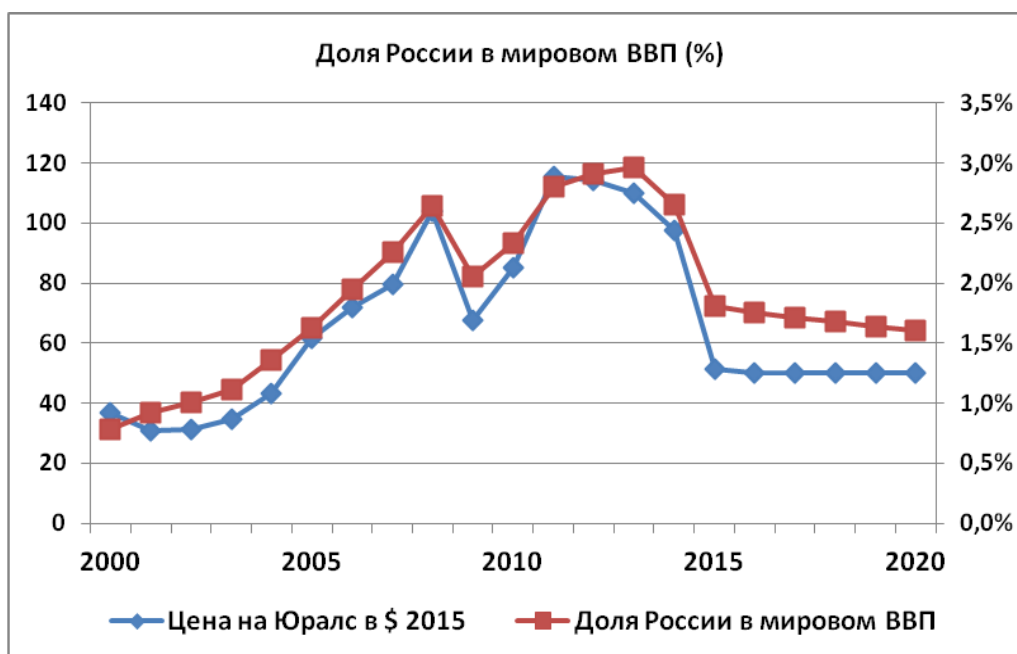

Рис. 3. Доля России в мировом ВВП

Все сейчас озабочены геополитикой. Но геополитика тоже пострадает, поскольку, по моему убеждению, геополитический потенциал просто равен доле ВВП страны в мировой экономике. Мы видим, что этот показатель сжался: еще недавно наша доля в глобальной экономике составляла почти 3%, сейчас она сократилась до 1,8%. И, по нашим прогнозам, к 2020 году уменьшится до 1,5%. Это примерно доля Мексики, у которой не очень впечатляющий геополитический потенциал. До сих пор наш геополитический потенциал тоже полностью зависел от цен на нефть. Корреляция между нашей долей в мировом ВВП и ценами на нефть составила 98%.

Я думаю, пора начинать реформы, которые бы позволили нам укреплять и благосостояние, и бюджетные доходы, и геополитический потенциал. Но на другой основе, а не на основе внешних факторов.

ФИНАНСОВЫЙ СЕКТОР

Олег Вьюгин

Консолидация банковского сектора: факторы и развилки

Факторы роста в предыдущем периоде

Прежде чем говорить о сегодняшней ситуации и перспективах финансового сектора, мы должны сначала отмотать немного назад и посмотреть, как он развивался в предшествующий период. Логика, согласно которой в 2000-е годы цена на нефть была высокой и потому финансовый сектор бурно развивался, а теперь, когда цена на нефть упала, он стал слабым, слишком черно-белая. Цены на нефть были не единственным фактором динамики.

Большее значение для развития финансового сектора имел приток иностранного капитала и импорт низких процентных ставок с внешних рынков. Этот фактор сыграл мощную роль в быстром росте номинального масштаба финансового сектора, да и экономики в целом. Импорту низких процентных ставок способствовали особенности денежно-кредитного регулирования: в 2000-е обменный курс не был свободным – использовалась политика валютного коридора, которая способствовала предсказуемости курса и за счет этого – импорту низких процентных ставок из-за рубежа, которые оказывали понижающее давление на рублевые процентные ставки, несмотря на инфляцию.

В силу этого рублевые процентные ставки были в реальном выражении отрицательными, что очень выгодно для финансового сектора, прежде всего для банков. Они фактически заимствовали по отрицательным реальным процентным ставкам, а кредитовали все-таки по реально положительным ставкам. Поэтому маржа банковского сектора и отдача на капитал были очень, очень привлекательными. Наблюдался ажиотаж инвестиций в банковский сектор, когда и западные банки платили чуть ли не двойной капитал, приобретая доли в российских банках.

Другие сектора финансового рынка тоже достаточно бурно развивались, хотя по сравнению с банковским сектором были гораздо меньше. Например, быстрыми темпами рос бизнес управления активами. Был очень бурный период развития инвестиционно-банковского и брокерского обслуживания, то есть посредничества, связанного с размещением и операциями на рынке ценных бумаг. Этой финансовой интермедиацией стали пользоваться отечественные компании реального сектора, привлекая капитал через размещение облигаций и акций на рынках. То есть начался процесс, который позволял и нефинансовому сектору использовать плоды притока относительно дешевого капитала.

В эпоху бурного развития финансового сектора для всех находилось место. Неважно, был ли это государственный банк или нет, был ли это банк, который хорошо управляет рисками или плохо. Щедрая маржа, связанная с импортом дешевого капитала и отрицательными процентными ставками, позволяла всем выживать. Растущая цена на нефть обогатила бюджет, стали опережающими темпами расти пенсии и социальные выплаты, заработная плата бюджетников, что, конечно, способствовало быстрому росту кредитования и повышению заработков финансового сектора.

Эта финансовая система сейчас с хрустом ломается не только под натиском низкой цены на нефть, но и под давлением финансовой изоляции российского рынка, его отрезанности от международных рынков капитала. Получается, что для финансовых институтов сужается рынок. Финансовые ресурсы стали дороже, потому что нет импорта дешевых ресурсов, а внутренние ресурсы ограничены. В результате выросшая в прежних условиях система финансовых институтов и посредников сегодня должна неизбежно сократиться.

Стратегии адаптации: вероятность эмиссии и темпы сокращения финансового сектора

Теперь необходимо заглянуть немного вперед. В предыдущем сообщении Евсей Гурвич обрисовал главный вызов – достаточно серьезный и для публичных финансов, и для благосостояния граждан. Каким будет ответ на этот вызов в области экономической политики? Выскажу предположение, что, исходя из сегодняшних реалий, власти не смогут успешно провести политику адаптации, не

прибегая к печатанию денег (если, конечно, цена на нефть не вернется к комфортному для бюджета уровню).

Подозреваю, что, скорее всего, процесс адаптации пойдет через какую-то форму эмиссии, скрытой или открытой, поскольку снижение номинальных заработной платы, пенсии, социальных выплат – эксперимент, на который мало кто может решиться. Коррекция через инфляцию – это тоже болезненный, но более проходимый способ, он и будет использован.

Вопрос: как будет выровнена инфляция с возможностями бюджета? Ответ на него важен для финансового сектора. Потому что если, скажем, каким-то образом удастся пройти адаптацию, сохраняя макроэкономическую стабильность и контролируемую низкую инфляцию, то для финансового сектора это будет сценарий категорического и мощного сокращения. Собственно, процесс уже идет. Вопрос, насколько он будет быстро развиваться и кто останется.

Ситуация осложняется тем, что в финансовом секторе на сегодняшний день преобладают государственные структуры, они занимают подавляющую долю финансового рынка, и власти не видят возможности изменить ситуацию. То есть неравные правила игры на сужающемся рынке, где обострилась конкуренция посреднических финансовых услуг, сохраняются. Вроде бы справедливой конкуренции содействует достаточно последовательная политика регулятора по усилению контроля за качеством и достаточностью капитала. Она естественным образом приводит к тому, что, безусловно, выигрывают те, у кого есть гарантии стабильности и источники капитала, те, у кого в результате дешевле привлечение ресурсов.

Если раньше маржа была достаточно большой для того, чтобы обеспечить существование разных по эффективности финансовых институтов, то сегодня это не так. Процесс вымывания негосударственных банков происходил бы гораздо быстрее, если бы не государственные вливания в виде 1 трлн рублей в банковский сектор и если бы не существенные суммы – до одного триллиона, – затраченные Центральным банком на разные способы санации и расчета с кредиторами банков с отзывными лицензиями. Частные акционеры вложили в банковскую систему 200 млрд, в противном случае процесс был бы гораздо более выпуклым и быстрым.

Тем не менее сокращение количества финансовых институтов продолжится и, вероятно, достаточно высокими темпами. Ближайшие годы будут периодом пролонгированной консолидации финансового сектора.

Жизнь после нефти

Негосударственные пенсионные фонды – это сектор финансовой экономики, имеющий шанс на развитие. И не в связи с тем, что власти вдруг вернуться к формированию государственной накопительной пенсии, а потому, что, когда случаются такие затяжные кризисные события, граждане спасаются сами. Иными словами, мы сейчас видим увеличение доли сбережений, мы видели, как «молчуны» в конце 2015 года массово уходили из ВЭБа в другие пенсионные фонды, чтобы сохранить эту негосударственную пенсию. Дело еще в том, что такие виды финансовой медиации, как негосударственное пенсионное обеспечение, страховой бизнес, в России и не были, вообще-то, развиты – 2000-е годы по разным причинам не создали для них плодородной почвы. А сейчас они, возможно, получают определенные шансы на медленное, но устойчивое развитие.

Таким образом, если говорить об общей адаптации экономики – и в частности финансовой системы – к современным вызовам, то я бы еще раз подчеркнул, что речь не идет только о низкой цене на нефть. Речь идет об общеэкономической среде. И очень важно, будут ли для страны открыты рынки капитала и будет ли восстановлено прерванное санкциями свободное движение капиталов. Это вопрос, который имеет огромное значение для финансового сектора – и для публичного тоже.

Возможно, из-за ослабления денежно-кредитной монетарной политики (что с большой вероятностью при существующих прогнозах произойдет) финансовый сектор сокращаться будет долго. Тем более что есть государственные банки, которые сосредоточили значительную долю кредитов в экономике и обеспечивают властям психологический комфорт в их политике по отношению к финансовому сектору.

Когда банковская или финансовая система является негосударственной (то есть игроки в ней – это крупные, средние и мелкие финансовые институты, принадлежащие акционерам), существует общественно полезная конкуренция. И когда случаются кризисы, власти начинают предпринимать достаточно

энергичные меры, в частности по выкупу банков в государственную собственность. То есть проводят национализацию, как сделала Великобритания в 2008–2009 годах, с последующей приватизацией, после того как ситуация восстанавливается. Так поступали и российские власти, выделяя средства на рекапитализацию. Но если в финансовом секторе существует достаточно большой государственный сегмент, то, в принципе, стимулов предпринимать такие действия по спасению банков меньше. И это чревато огромными проблемами с конкуренцией в будущем.

РЕАЛЬНЫЙ СЕКТОР

Наталья Акиндинова

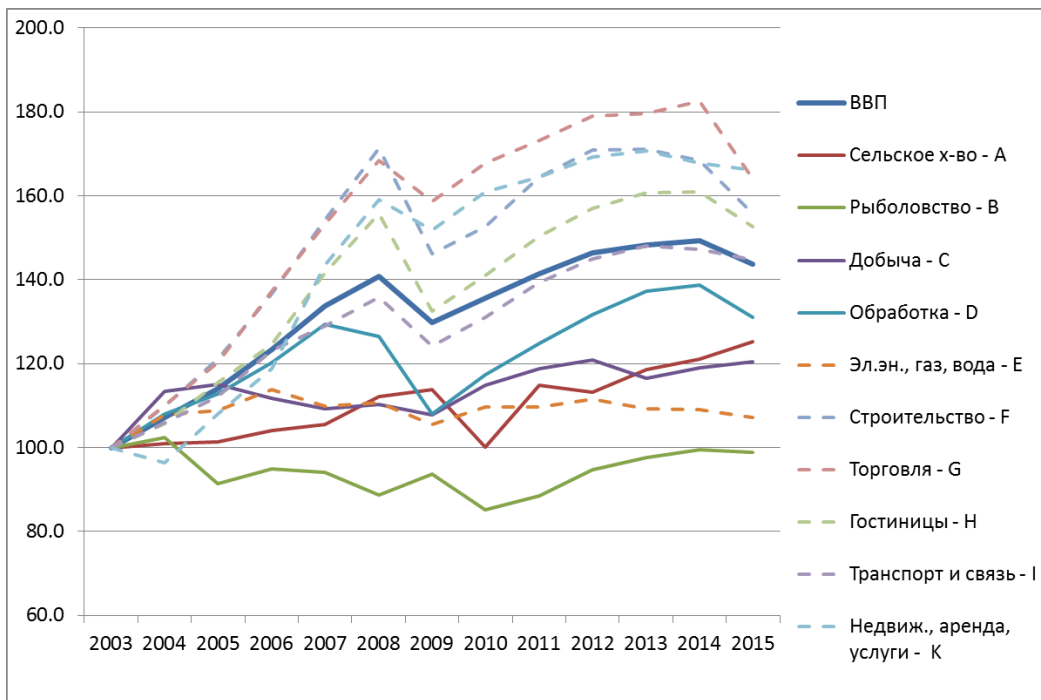
Обратная адаптация: четыре сценария

Тучные годы: динамика и структура роста

Период начиная с середины 2000-х можно разделить на два этапа: с 2003 по 2008 год на фоне роста нефтяных цен российский ВВП увеличился почти на 40%, с 2009 по 2015 год – всего на 3%, несмотря на то что в 2011–2013 годах котировки нефти стабильно превышали 100 долларов за баррель. Подводя черту под периодом дорогой нефти, нужно сказать, что России удалось повысить уровень жизни населения и качество потребления, но, к сожалению, не удалось использовать этот благоприятный период для модернизации экономики, чтобы она росла не только в периоды роста цен на нефть, но и в периоды стабильных цен, не говоря уже о падающих.

Динамику производства в реальном секторе экономики, как и в целом динамику ВВП в этот период, определял спрос, сгенерированный притоком внешних ресурсов по каналам экспорта и корпоративных займов. При этом рост в разных отраслях реального сектора был неоднородным.

В обрабатывающей промышленности в 2000-е годы наблюдался преимущественно восстановительный рост (после сокращения в 1990-е), который опирался больше на загрузку существующих мощностей на действующих предприятиях, чем на создание новых. Укрепление рубля в реальном выражении и рост издержек на оплату труда затрудняли конкуренцию с импортом, однако в целом, пока совокупный спрос увеличивался, производство росло. В других торгуемых секторах динамика была хуже. Так, добыча полезных ископаемых выросла за 12 лет всего на 20% из-за постепенного истощения легкодоступных месторождений и недостатка инвестиций в новые. При этом изъятие ренты через прогрессивное налогообложение компенсировалось привлечением дешевых внешних заимствований, а падение качества управления после «дела ЮКОСа» и огосударствления отрасли ничем не компенсировалось. Сельское хозяйство на внутреннем рынке в целом проигрывало конкуренцию импортной продукции, однако при этом России удалось стать чистым экспортером зерна.

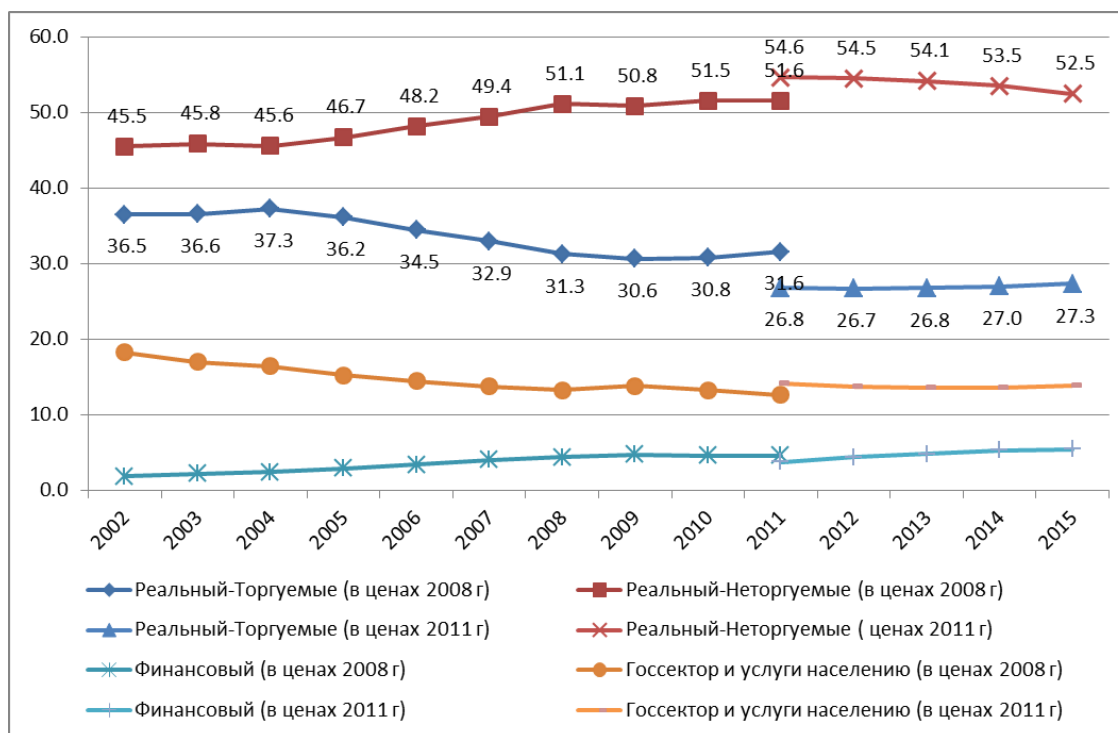
Источник: Росстат, расчеты института «Центр развития» НИУ ВШЭ.

Рис. 1. Рост ВВП и валовой добавленной стоимости в отраслях реального сектора в постоянных ценах (2003 год – 100%)

В целом рост в реальном секторе обеспечивался неторгуемыми отраслями, преимущественно строительством, торговлей и операциями с недвижимостью. Быстро росла и сфера услуг. В отличие от ситуации в обработке этот рост не был восстановительным. Развивались новые отрасли, которых не было в плановой экономике. При этом шло активное заимствование зарубежных технологий и подходов к организации производства, создавались новые предприятия, структура занятости менялась в пользу этих отраслей при сокращении доли торгуемых. В то же время приток нефтегазовых доходов и заемных ресурсов при отсутствии конкуренции с импортом приводил к образованию пузырей, которые способствовали глубокому провалу экономики во время кризиса 2009 года.

Нужно сказать, что в результате этой разницы в темпах структура экономики России за последние годы заметно изменилась. Здесь я в некоторой степени оппонирую нашему премьеру, который говорит, что за 15 лет невозможно изменить структуру экономики. На самом деле структура экономики менялась, и достаточно существенно.

За период роста цен на нефть доля неторгуемых секторов увеличилась в структуре экономики с 45,5 до 51%. Поскольку кризис 2008–2009 годов оказался скоротечным, был смягчен поддерживающей бюджетной политикой и сменился новым периодом высоких нефтяных цен, сложившееся соотношение между торгуемыми и неторгуемыми секторами в целом сохранялось до 2013 года.

Источник: Росстат, расчеты института «Центр развития» НИУ ВШЭ.

Рис. 2. Доля секторов в структуре ВВП, в постоянных ценах (%)

Начиная с 2011 года, к сожалению, наши ряды несопоставимы, потому что с этого момента Росстат изменил методологию расчета ВВП. В основном скачкообразное увеличение доли неторгуемых секторов происходит из-за того, что сейчас в составе добавленной стоимости в операциях с недвижимостью стала учитываться вмененная рента собственников жилья и, соответственно, эти изменения сдвинули всю структуру. Тем не менее можно увидеть, что в течение всего периода финансовый сектор рос и доля государственного сектора и персональных услуг населению в тучные годы сокращалась.

Кризис 2014–2015 годов: сработают ли стимулы?

По сравнению с 2008–2009 годами в 2014–2015 годах ситуация отличалась и отсутствием перегрева, и реакцией властей на кризис (растущая поддержка

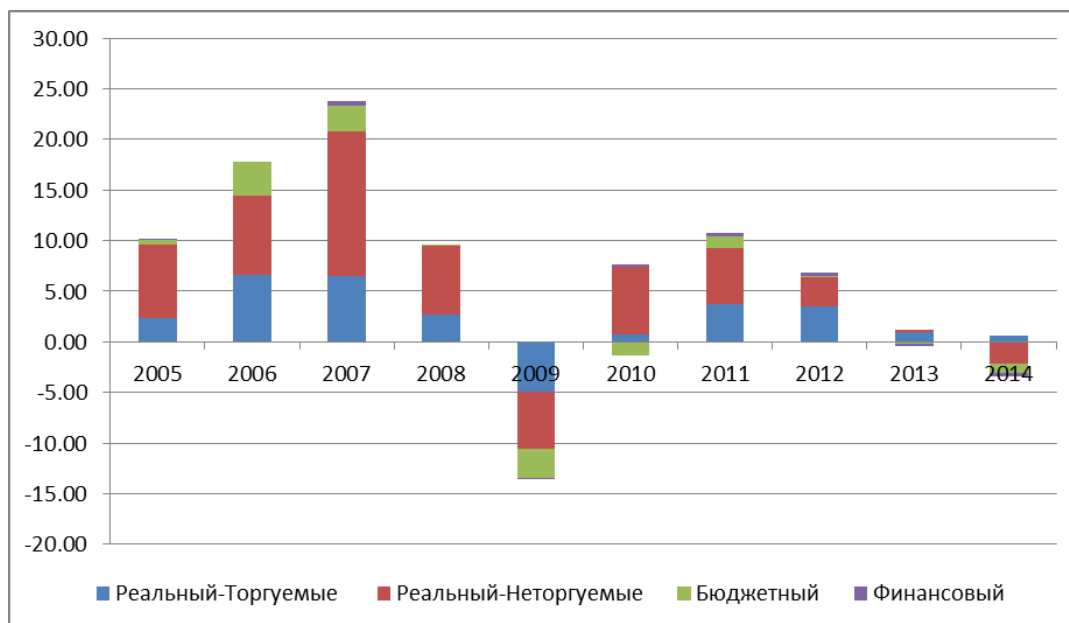
промышленности через оборонные программы при отсутствии специальных программ для населения). Несмотря на это, по итогам 2015 года падение затронуло как торгуемые, так и неторгуемые отрасли по всему фронту, за исключением добычи и сельского хозяйства, что привело к едва заметному смещению структуры обратно в пользу торгуемых секторов.

Исходя из экономической теории, можно было бы предположить, что в период, когда цены на нефть начали снижаться и произошло существенное ослабление рубля, часть добавленной стоимости неторгуемых секторов, связанная с образованием пузыря в тучные годы, могла бы начать сокращаться, за исключением части прироста, связанной с естественным увеличением доли услуг при развитии постиндустриальной экономики. И при этом могла бы увеличиваться доля торгуемых секторов, которые получают в условиях ослабления рубля конкурентные преимущества, преимущественно за счет снижения рублевых издержек на оплату труда. Надо сказать, что, хотя в реальном выражении у нас были высокие темпы роста зарплаты, конкурентоспособность меряется скорее в валютном выражении по сравнению с конкурентами и сейчас зарплата в нашей экономике находится на уровне Китая и ниже стран Восточной Европы, что, в принципе, позволяет нам соревноваться с ними в производстве товаров.

Эти предположения вполне понятные, но они имеют отношение к экономике, во-первых, основанной на рыночных принципах и, во-вторых, открытой. Но, к сожалению, для России в последние годы характерно снижение степени рыночности экономики за счет многочисленных решений, ограничивающих свободу предпринимательства, увеличивающих роль госсектора и монополизм. И так же очевидно, что за последние два года геополитическое противостояние привело к снижению уровня открытости экономики. Помимо ограничений на привлечение капитала, почти каждую неделю вводятся торговые и иные ограничения, блокируются авиаперевозки, движение грузовиков и т.п. Все это совершенно непредсказуемо. Эта ситуация, конечно, не способствует структурной перестройке экономики. И поэтому сложно предсказывать, что будет дальше происходить, будет ли структура меняться в направлении, заданном изменением наших конкурентных преимуществ.

Инвестиционный кризис, который начался в 2012 году, активно продолжился в 2013 и 2014 годах. По 2015 году картина будет еще хуже (данных пока нет, см.

рис. 1). И конечно, это разительное отличие по сравнению с периодом до кризиса 2008–2009 годов, когда во всех секторах инвестиции росли. Причем наибольший рост наблюдался в неторгуемых секторах, доля которых увеличивалась, что, в общем, логично.

Источник: Росстат, расчеты института «Центр развития» НИУ ВШЭ.

Рис. 3. Вклад секторов в динамику инвестиций крупных и средних предприятий, в реальном выражении (п.п.)

Несмотря на все эти сложности, мы рискуем прогнозировать, как эта ситуация будет меняться. Дальше речь пойдет не только о реальном секторе, но и в целом о макроэкономических показателях.

Негативные сценарии с консервативной и неконсервативной денежной политикой

Мы построили довольно негативный сценарий, предполагающий сохранение текущих цен на нефть (примерно 35 долларов за баррель нефти Urals) в течение нескольких лет. В рамках текущей повестки мы имеем большой дефицит, который покрывается в основном за счет суверенных фондов, в результате чего происходит их быстрое исчерпание. Тем не менее в сценарий заложена жесткая бюджетная политика: происходит сокращение дефицита за счет оптимизации затрат в пределах политически возможного и мобилизация доходных источников по мелочи, без принятия радикальных решений по пенсионной реформе, по

налогам. Только за счет роста собираемости, за счет улучшения администрирования, за счет введения дополнительных небольших платежей. При этом интересы правящих элитных групп особенно не затрагиваются.

Соответственно, сохраняется доминирование сырьевых секторов в экономике, доминирование военных расходов в бюджете, вообще милитаризация промышленности. Хотя за счет этого можно ожидать продолжения умеренного увеличения доли торгуемых секторов, структура экономики будет упрощаться. То есть те инновационные сектора услуг, которые выросли в тучные годы, будут довольно активно сжиматься. И будут продолжать сжиматься торговля и строительство. Снижение инвестиций, конечно, свидетельствует о плохом инвестиционном климате.

Таблица 1. Основные показатели среднесрочного прогноза (с сокращением дефицита)

Показатель	Факт		Прогноз						
	2009	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Цена на нефть Urals (в среднем за год, долл/барр)	60,7	107,9	98,0	52,3	35,0	35,0	35,0	35,0	35,0
ВВП (рост %)	-7,8	1,3	0,6	-3,7	-1,7	-1,1	-2,5	-1,0	1,2
Розничная торговля (рост %)	-5,1	3,9	2,7	-10,0	-5,4	-1,2	-0,4	0,6	1,0
Инвестиции (рост %)	-13,5	0,8	-1,5	-8,4	-5,9	-1,7	-6,7	-1,8	2,1
Производительность труда (рост %)	-4,1	1,9	0,8	-4,7	0,1	-0,8	-2,0	-0,7	1,3
Инфляция (% дек/дек)	8,8	6,5	11,4	12,9	8,2	4,5	3,2	2,6	2,5
Реальная заработная плата (рост %)	-3,5	4,8	1,2	-9,5	-5,9	-1,8	-0,6	0,2	0,7
Реальные распределенные доходы населения (%)	3,0	4,0	-0,7	-4,0	-3,9	-0,4	0,7	0,9	1,3
Сальдо федерального бюджета (% ВВП)	-6,0	-0,5	-0,5	-2,6	-5,0	-4,0	-2,0	-1,0	-1,0
USD/RUB (средний)	31,7	31,8	38,0	60,7	69,7	69,2	68,7	68,0	68,8

Источник: Росстат, расчеты института «Центр развития» НИУ ВШЭ.

По нашим оценкам, в данной ситуации отрицательные темпы роста сохранятся как минимум до тех пор, пока не будет адаптирована бюджетная система, пока не перестанет снижаться государственный спрос. Потому что в условиях, когда у нас остальные источники роста подавлены, государственный спрос имеет преувеличенно большое значение для экономической динамики. Так, в наступившем 2016 году отказ от индексации зарплат бюджетников на фоне пока еще высокой инфляции способствует сильному падению зарплат в целом по экономике.

Следующий сценарий является еще более рискованным с точки зрения оценок. Тем не менее мы предполагаем, что сейчас следует рассматривать в качестве вероятного переход к монетарному финансированию дефицита после исчерпания суверенных фондов, если сократить дефицит ниже 5% ВВП окажется политически невозможно. Результаты расчетов представлены во табл. 2.

Таблица 2. Основные показатели среднесрочного прогноза (с монетарным финансированием)

Показатель	Факт		Прогноз						
	2009	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Цена на нефть Urals (в среднем за год, долл/барр)	60,7	107,9	98,0	52,3	35,0	35,0	35,0	35,0	35,0
ВВП (рост %)	-7,8	1,3	0,6	-3,7	-1,7	2,2	0,9	-0,9	-2,0
Розничная торговля (рост %)	-5,1	3,9	2,7	-10,0	-5,4	-2,1	-1,4	-2,3	-2,4
Инвестиции (рост %)	-13,5	0,8	-1,5	-8,4	-5,9	4,5	5,2	4,9	0,9
Производительность труда (рост %)	-4,1	1,9	0,8	-4,7	0,1	2,0	0,9	-0,6	-1,5
Инфляция (%, дек/дек)	8,8	6,5	11,4	12,9	8,2	10,5	11,3	11,1	10,0
Реальная заработная плата (рост %)	-3,5	4,8	1,2	-9,5	-5,9	-2,4	-1,1	-2,1	-2,6
Реальные распределенные доходы населения (%)	3,0	4,0	-0,7	-4,0	-3,9	-1,5	-0,9	-2,6	-2,9
Сальдо федерального	-6,0	-0,5	-0,5	-2,6	-5,0	-5,0	-5,0	-5,0	-5,0

бюджета (% ВВП)									
USD/RUB (средний)	31,7	31,8	38,0	60,7	69,7	80,4	88,7	94,0	96,5

Источник: Росстат, расчеты института «Центр развития» НИУ ВШЭ.

В этих условиях в первую очередь начинается рост инвестиций, который связан с поступлением в экономику дополнительных средств в виде целевых кредитов и бюджетных расходов на инвестиции. Скорее всего, эти средства будут распределяться тем же самым группам, которые и сейчас получают львиную долю бюджета, но что-то, конечно, пойдет и на увеличение зарплат бюджетников, и на индексацию пенсий. По нашим оценкам, инфляционный эффект такого решения будет большим и не даст инфляции опуститься ниже двузначных уровней.

Самое важное: это будет означать, что, даже несмотря на дополнительную индексацию заработных плат, они продолжат падать в реальном выражении. Соответственно, вся эта конструкция не позволит раскрутить рост экономики, через два-три года отрицательная динамика ВВП вернется. При этом у нас будет очень слабый курс рубля, очень высокая инфляция, очень большой дефицит. В итоге макроэкономика останется несбалансированной.

Факторы неинерционных сценариев: либерализация, фискальная консолидация, преодоление изоляции

Благоприятные сценарии на самом деле посчитать гораздо сложнее, чем неблагоприятные. Они гораздо менее технические, в них меняется эффективность, меняются эластичности, и поэтому такие сценарии существуют только в виде качественного описания.

На мой взгляд, сейчас правящие группы имеют в своем распоряжении два ресурса: с одной стороны, оставшиеся фонды, с другой – лояльность и терпение населения, готовность мириться с ухудшением жизненного уровня. Но это достаточно ограниченные ресурсы, и рано или поздно правящие группы почувствуют нарастание давления либо со стороны бизнеса, либо со стороны населения.

Поэтому развилка выглядит так. Если на фоне реализации основного сценария слишком сильно падают темпы роста, экономика сокращается, бюджетные доходы сжимаются, но при этом население еще терпит, то возникает сценарий

вынужденной либерализации экономики, более мягкий для бизнеса, более жесткий для населения. Он будет связан, видимо, с жестким реформированием бюджетной сферы, включая пенсионку, с отказом от субсидирования неэффективных предприятий ради занятости.

При этом правящие группы должны будут отказаться от части своих привилегий, от наиболее одиозных форм «кошмаривания бизнеса», чтобы дать бизнесу вздохнуть, а людям – заработать. И это будет сигналом к тому, что институциональная трансформация начинается. Мы не говорим ни про судебную реформу, ни про формальную децентрализацию, а только лишь про готовность элиты идти навстречу и отказываться не имитационно, а по-настоящему от каких-то своих завоеваний. Можно надеяться, что в этой ситуации у экономических субъектов вернется мотивация к производительной деятельности, которая сейчас в целом сильно подавлена. В этом случае оживление может начаться в производстве инвестиционных товаров. И возможно, удастся использовать преимущества слабого рубля, прежде всего в части продвижения на экспортные рынки. Но в части импортозамещения развитие менее вероятно, поскольку внутренний спрос будет в это время еще низкий.

К сожалению, у этого сценария есть довольно существенные риски социального характера. Это в конечном счете протесты со стороны населения и это долгосрочный важный риск истощения человеческого капитала в результате того, что социальная сфера будет сильно урезана.

Существует и другой вариант, более мягкий для населения, но более жесткий для бизнеса. Он реализуется, если терпение населения закончится раньше. Тогда, для того чтобы сохранить социальную сферу, государство может пойти на какое-то повышение налогов с целью сбалансировать бюджет и будет сохранять поддержку определенных предприятий.

Но чтобы в этом случае не совсем задуть бизнес и как-то удержать стабильность, элитным группам также придется отказываться от части ренты, которую они сейчас присваивают, и от силового давления. И, я думаю, вероятен отказ от борьбы с неформальной экономикой и либерализация на низовом уровне, где, возможно, начнется поворот государственного управления лицом к населению. В этой ситуации первыми могут начать выправляться сектора,

ориентированные больше на внутренний спрос, чем на инвестиции и экспорт. Этот сценарий более гуманный, но он чреват тем, что выйти из рецессии так и не удастся, поскольку все-таки предполагается большая нагрузка на бизнес.

На мой взгляд, надежный благоприятный сценарий должен быть связан, помимо либерализации, с выходом России из изоляции. В первую очередь потому, что это позволит получить дополнительные ресурсы в экономику. Сначала, вероятно, не в виде прямых инвестиций, но хотя бы в виде заимствований. На фоне внутренней либерализации это позволило бы экономике начать расширяться. И в этом случае робкие институциональные изменения, начавшиеся изнутри, могли бы укрепиться. Таким образом экономика России со временем вернулась бы к развитию в мейнстриме. Такой сценарий в нынешней ситуации, конечно, представляется очень идеалистическим. Но, на мой взгляд, иного пути вернуться к траектории роста просто нет.

ВНЕШНЯЯ ТОРГОВЛЯ

Наталья Волчкова

Перспективы экспортной диверсификации: голландская болезнь или провалы экономической политики?

Проблема низкой диверсификации экспорта – одна из наиболее актуальных для российской экономики, и первые 15 лет этого века помогают понять, что именно диверсификации препятствует. В эти годы экономика пережила и длительный период укрепления валюты в условиях растущей цены на нефть, и несколько эпизодов резкого ее удешевления в условиях падения цен. Таким образом, можно говорить о нескольких естественных экспериментах, которые позволяют проанализировать, как эти шоки влияют на структуру торговли и какие факторы препятствуют диверсификации экспортной корзины. Правильная идентификация проблем поможет сформулировать принципы торговой политики, нацеленной на их преодоление.

В рамках изучения российской торговли в 2000-е годы мы выделяем несколько важных тем:

- 1) релевантность голландской болезни для российской экономики;
- 2) экстенсивная и интенсивная маржи торговли. Под экстенсивной маржой мы понимаем рост торговли за счет выхода новых фирм на экспортные рынки, а под интенсивной – ее рост за счет увеличения объемов экспорта существующих экспортных фирм. Выделение и изучение этих компонент экспорта позволяет точнее ранжировать проблемы диверсификации;
- 3) распределение российских экспортеров по размеру. Сравнение ситуации в России с аналогичным распределением в ряде других стран позволяет определить группу компаний, которая наиболее дефицитна в российском экспортном пространстве и с которой, по-видимому, связана низкая экспортная диверсификация;
- 4) вклад тарифной политики в целом и политики импортозамещения в частности в развитие внешней торговли.

Сразу предварю результаты анализа: в целом мы не видим, что высокая цена на нефть сама по себе проблематична для несырьевого российского экспорта. В гораздо большей степени проблемой является политика в отношении внешней торговли.

Релевантность голландской болезни для российской экономики

Анализ совместной динамики цен на нефть, реального обменного курса рубля к доллару, объема денежного рынка, выпуска обрабатывающей промышленности (в целом и по подотраслям) и выпуска добывающей промышленности с 2000 по 2015 год на основе месячных данных выявил наличие двух коинтеграционных соотношений, то есть двух устойчивых долгосрочных связей между указанными параметрами экономики. При этом оба соотношения указывают на положительную связь размеров добывающего и обрабатывающего секторов. То есть в долгосрочном периоде рост добывающего сектора коррелирован с ростом сектора обрабатывающего. Иными словами, развитие добычи не вытесняет обрабатывающие производства, как предполагает гипотеза голландской болезни, – напротив, развитие секторов комплементарно, что полностью этой гипотезе противоречит. Аналогичные расчеты для отдельных подсекторов обрабатывающей промышленности также обнаруживают положительные коинтеграционные связи с размером добывающего сектора.

На следующем шаге мы вычленили тренды долгосрочного развития из данных и проанализировали, как влияют краткосрочные шоки выпуска добывающего сектора на подсектора обрабатывающей промышленности. В зависимости от характера распространения шоков мы выделили три группы подсекторов. К первой группе мы отнесли обрабатывающую промышленность в целом, целлюлозно-бумажное производство, металлургию, производство машин и оборудования, транспортных средств, электрооборудования, деревообработку, ко второй группе – пищевую и химическую промышленности, производство электроэнергии, воды и газа, к третьей – производство кокса, нефтепродуктов и ядерных материалов.

Для первой группы характерен положительный отклик на положительные шоки добычи, шоки цены на нефть и укрепления реального курса рубля: выпуск значительно растет сразу в ответ на эти шоки и положительный импульс

сохраняется на протяжении нескольких месяцев, немного сокращаясь со временем по амплитуде. То есть неожиданное увеличение добычи, рост цены нефти и укрепление курса способствуют росту производства в этих секторах обработки. Выпуск в третьей группе секторов ведет себя сходным образом, отличие лишь в динамике.

Для второй группы положительные шоки добычи также способствуют росту производства, но неожиданный рост цены на нефть и укрепление курса приводят к снижению выпуска.

Таким образом, рост добычи и в долгосрочном, и в краткосрочном периоде положительным образом воздействует на обрабатывающие сектора (что противоречит гипотезе голландской болезни), разная же реакция подсекторов обрабатывающей промышленности на укрепление реального курса, с нашей точки зрения, связана с той ролью, какую играют в производстве импортные комплектующие. При высокой доле импорта в расходах неожиданное укрепление рубля снижает издержки фирм и приводит к росту выпуска и напротив – большая доля отечественного сырья и комплектующих сопряжена с ростом издержек при укреплении рубля и снижением выпуска.

Суммируя полученные результаты, мы можем предложить следующую картину влияния добывающего сектора на обрабатывающий в российской экономике. Само по себе увеличение добычи оказывает стимулирующее воздействие на обрабатывающие сектора. Потенциальные каналы влияния – это и прямой рост спроса на комплектующие и товары других секторов экономики, и инвестиционный дождь, проливаемый вследствие роста доходов в добывающем секторе на остальные сектора экономики. Этот механизм, скорее всего, работает в долгосрочном периоде.

Дополнительное воздействие роста доходов от добычи на обработку связано с укреплением курса через изменение стоимости издержек обрабатывающих секторов. И здесь влияние курса может быть как положительным, в случае значительной доли «долларовых» издержек производства, так и отрицательным, если экономия на импортных издержках невелика.

Чтобы проиллюстрировать роль импорта, мы провели эконометрическое исследование, сравнив российские фирмы-импортеры с аналогичными фирмами,

не импортирующими комплектующие. При сравнении показателей выпуска на одного занятого среди 144 тыс. фирм за 2005–2012 годы оказалось, что фирма-импортер имеет на 20% более высокую производительность по сравнению с фирмой, не импортирующей в той же отрасли и в том же регионе. То есть фирмы-импортеры в среднем более производительны, чем неимпортеры. Этот эффект, называемый в экономической литературе премией за импорт, был продемонстрирован и во многих других странах.

Таким образом, у нас есть все основания считать, что значительная доля импорта в российской экономике в целом и в обрабатывающей промышленности в частности играет важную роль буфера, смягчающего потенциально отрицательное влияние удорожания курса на производство отечественных фирм. Расширение импорта в эпоху высокого курса рубля позволяет фирмам более чем компенсировать отрицательные последствия этого удорожания для продаж. Поэтому мы не наблюдаем тех последствий, которые характерны для голландской болезни, опасность которой для российской экономики, по-видимому, значительно преувеличена.

Экстенсивная и интенсивная маржа в несырьевом экспорте

На протяжении 2000-х годов для российской экономики было характерно значительное сокращение числа экспортеров (с 27 тыс. в 2000-м до 19 тыс. в 2012-м) при значительном росте объемов экспорта на одну фирму (с 900 тыс. до 6 млн долларов США). При этом число видов экспортируемых товаров незначительно сокращается как в целом, так и на одну фирму-экспортера. Данная динамика свидетельствует о консолидации экспортеров: уходе с рынка преимущественно небольших экспортеров и росте экспорта наиболее крупных фирм, что характерно и для других как развитых, так и развивающихся стран.

Снижение экстенсивной маржи (числа экспортеров) и рост интенсивной (объем экспорта на одну фирму) также видны в изменении структуры несырьевого экспорта – рост концентрации экспорта отмечается и при расчете доли несырьевого экспорта в двух наибольших товарных категориях (с 47 до 55% с 2000-го по 2012-й) и в двадцати основных (с 86 до 92%). При этом за тот же период объем несырьевого экспорта в номинальном выражении вырастает в пять раз (с 25 млрд до 125 млрд долларов).

Параллельно почти в три раза выросло число несырьевых импортеров (15 тыс. в 2012 году). Особенно значительный рост импортеров имел место в секторах машин и оборудования, транспорта (то есть инвестиционных товаров), что согласуется с гипотезой о возрастании роли импорта в условиях укрепления курса рубля.

Анализ концентрации экспортеров

Высокая концентрация экспорта характерна для всех стран мира. Так, в США на 1% топ-экспортеров приходится 80% экспорта страны, а на 10% топ-экспортеров – 95% экспорта. В странах Европы картина менее драматична: на 1% топ-экспортеров приходится около 50%, но 10% топ-экспортеров все же покрывают 90% экспорта. Вклад топ-экспортеров в России в целом похож на американский, особенно в секторе несырьевого экспорта.

Сравнение распределения российских экспортеров по числу стран – направлений экспорта и числу экспортируемых товаров с американскими экспортерами указывает на недостаточный размер российских крупных экспортеров. Как и в США, в России около 40% фирм-экспортеров поставляют один товар на один зарубежный рынок. Однако доля российских экспортеров, поставляющих пять и более товаров на пять и более зарубежных рынков, составляет лишь 6%, в то время как в США – 11% от числа всех экспортирующих фирм. Различается и вклад соответствующих экспортеров в общие объемы экспорта. Маленькие экспортеры (один товар в одну зарубежную страну) обеспечивают почти 4% российского экспорта, в то время как в США – лишь 0,2% экспорта. Крупные российские экспортеры (пять и более товаров в пять и более зарубежных стран) обеспечивают 53% экспорта, в то время как в США – 92%.

Иными словами, либо в России слишком большие маленькие экспортеры, либо слишком маленькие большие. Вряд ли есть основания считать, что в России слишком успешны небольшие экспортные фирмы, гораздо больше оснований полагать, что не хватает крупных несырьевых экспортеров, а имеющиеся недостаточно крупны. Увеличение в два раза доли крупных несырьевых экспортеров, безусловно, могло бы значительно повысить объемы несырьевого экспорта и уровень его диверсификации, снизив зависимость экономики от шоков нефтяных цен.

Данный вывод, с нашей точки зрения, требует особого внимания. Развернувшаяся в последние годы дискуссия о необходимости поддержки несырьевого экспорта привела к некоторым изменениям в области поддержки малых и средних экспортеров. Это, безусловно, неплохо. Но если проблема связана с дефицитом крупных экспортеров, то решения, реализуемые в области поддержки малых и средних, не смогут значительно улучшить ситуацию с диверсификацией экспорта. Создание и продвижение крупных экспортеров требуют других мер экономической политики и сопряжены с другими проблемами.

Недостаточная роль крупных экспортеров в несырьевом экспорте имеет еще одно измерение. Есть основания считать, что самые крупные российские несырьевые экспортеры недостаточно производительны. Это следует из анализа того, как средняя производительность экспортеров изменяется по мере увеличения числа направлений экспорта фирм.

Если разделить всех российских несырьевых экспортеров на группы в соответствии с тем, сколько зарубежных стран они обслуживают, то мы увидим, что чем больше стран обслуживают фирмы, тем в среднем они более производительны. Это результат имеет место и в других странах мира. Однако в России существует проблема в группе самых крупных экспортеров – тех, кто поставляет свои товары в 50 и более зарубежных стран. В среднем объем выпуска на одного занятого в этих фирмах в два раза меньше, чем у фирм, обслуживающих 20–50 рынков, и примерно соответствует среднему уровню производительности фирм, обслуживающих два зарубежных рынка. Это тоже вносит «вклад» в недостаточный вес крупных экспортеров в общем объеме экспорта. Более детальный анализ особо крупных экспортеров и их проблем необходим для того, чтобы найти те узкие места их деятельности, которые обуславливают недостаточную производительность.

Суммируя результаты анализа в этой части, можно сказать, что проблема недостаточной диверсификации несырьевого экспорта страны связана в первую очередь с дефицитом крупных экспортеров и с их низкой производительностью.

Роль тарифной политики в развитии экспорта

Чтобы оценить роль тарифной политики в развитии экономики и стимулировании экспорта, необходимо прежде всего дать оценку тому влиянию, которое

оказывают тарифы на добавленную стоимость в секторах экономики по сравнению со случаем свободной торговли, то есть нулевых тарифов на все товары. Соответствующий показатель называется эффективным уровнем протекционизма и рассчитывается как процентное изменение добавленной стоимости в секторе при существующем тарифном расписании по сравнению со случаем нулевых тарифов.

Сектора экономики, в которых существующее тарифное расписание повышает издержки в большей мере, чем повышает стоимость конечных товаров, характеризуются отрицательным уровнем эффективного протекционизма и, безусловно, привлекают меньше инвестиций, чем могли бы в случае свободной торговли. Напротив, сектора с положительным уровнем эффективного протекционизма получают более высокую защиту на уровне конечных товаров по сравнению с комплектующими и более привлекательны для инвесторов по сравнению со случаем свободной торговли.

Таким образом, более высокие уровни протекционизма создают более высокие стимулы для развития секторов. Однако связь эффективного протекционизма и экспортного потенциала отрасли не столько однозначна. Дело в том, что высокий уровень эффективного протекционизма создает антиэкспортные стимулы. Обусловленный структурой тарифов более высокий рост цены конечных товаров по сравнению с ростом издержек приводит к росту добавленной стоимости в отрасли. Но связанный с тарифом рост цены на конечную продукцию производитель может реализовать, только продав товар на внутреннем рынке, в то время как при продаже товара на зарубежном рынке он получит цену ниже внутренней как раз на величину тарифа. Тарифы же на комплектующие будут вносить вклад в издержки производства товара вне зависимости от того, на каком рынке он будет продаваться.

Таким образом, высокий положительный уровень эффективного протекционизма, оказывая стимулирующее действие на развитие сектора, в то же время дестимулирующим образом влияет на развитие экспорта в этом секторе, так как продажи на внутреннем рынке становятся более привлекательными, чем экспорт.

Анализ тарифного расписания РФ в 2014 году с точки зрения эффективного уровня протекционизма дает довольно пеструю картину. Мы видим много

секторов с высоким уровнем протекционизма (производство мяса, молока, текстиль, обувь, металлургия и др.), в то время как сектора с более высокой добавленной стоимостью имеют либо меньший положительный уровень эффективной защиты, либо даже отрицательный (производство электрооборудования). Это указывает на несоответствие структуры тарифа задачам структурной перестройки экономики, нацеленной на рост секторов с высокой добавленной стоимостью.

Но в данном случае нам интересен другой аспект. Проанализировав, как изменится структура эффективного протекционизма при снижении всех тарифов в два раза, мы обнаружили, что такая либерализация способна сделать эффективную защиту более сбалансированной – негативные показатели становятся меньше по абсолютному показателю, уменьшаются и слишком высокие положительные. То есть, не меняя структурно стимулов к инвестициям в сектора экономики, такая либерализация снижает уровень антиэкспортного смещения в экономике. Что, безусловно, очень важно для развития экспорта и его диверсификации.

Суммируя данные результаты, мы можем утверждать, что существующая структура тарифной защиты российской экономики имеет сильно выраженное антиэкспортное смещение и необходима значительная либерализация тарифа для его уменьшения.

Есть ли возможности для диверсификации экспорта?

Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо проанализировать положение страны в пространстве товаров¹.

¹ Анализ основан на следующих работах: Hausmann R., Klinger B. Structural Transformation and Patterns of Comparative Advantage in the Product Space // CID Working Paper. 2006. N 128; Iidem. The Structure of the Product Space and the Evolution of Comparative Advantage // CID Working Paper. 2007. N 146; Hausmann R., Hidalgo C., Bustos S., Coscia M., Chung S., Jimenez J., Simoes A., Yildirim M. The Atlas of Economic Complexity. Cambridge, M.A. : Center for International Development, Harvard University, 2011; Hidalgo C., Klinger B., Barabasi A.-L., Hausmann R. The Product Space Conditions: the Development of Nations // Science. 2007. Vol. 317. N 5837. P. 482–487.

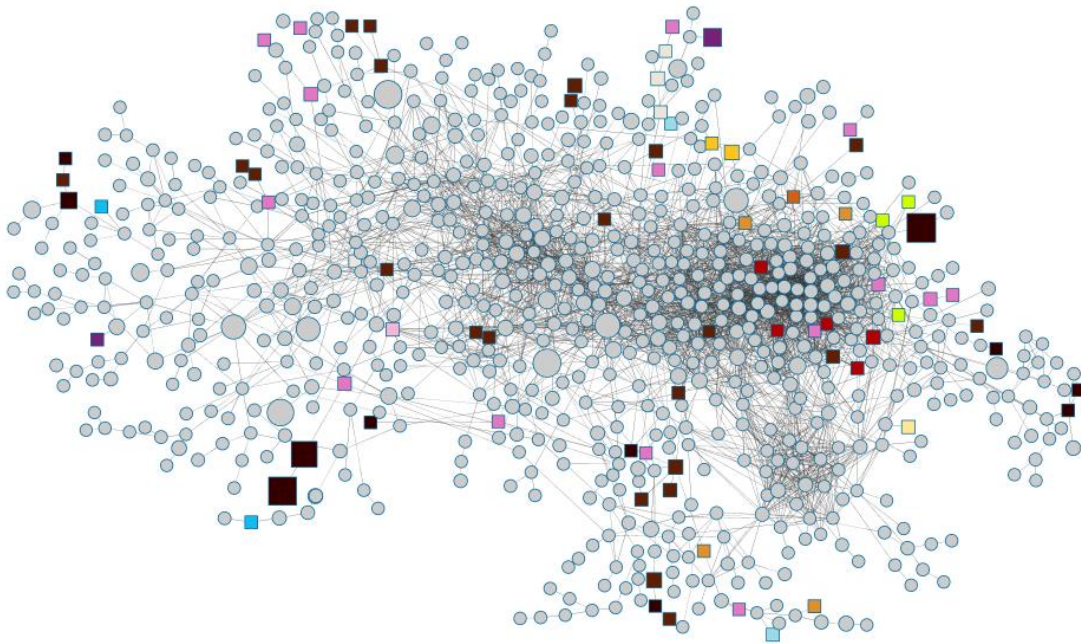

Рис. 1. Пространство товаров мировой торговли, 2014 год

Идея построения пространства товаров, представленного на рис. 1, следующая. Точки – это товарные категории, существовавшие в 2014 году в мире; серые линии, соединяющие некоторые пары точек, указывают на близость товаров этой пары в том смысле, что страна, экспортирующая один товар, с высокой вероятностью может экспортировать и второй. Соответственно, плотность серых линий отражает плотность пространства товаров: из товарных категорий, расположенных в этой части пространства, с высокой вероятностью может происходить диверсификация в другие товары, тесно связанные с исходными. Если же страна экспортирует товары, отмеченные точками на периферии этого пространства, то там вероятностных связей мало и возможности для перехода к экспорту новых товаров очень ограничены.

Товары сравнительного преимущества России на рисунке отмечены цветными квадратами и находятся главным образом на периферии. С такой исходной позиции развить новые экспортные товары, диверсифицировать структуру экспорта будет довольно сложно.

Что же делать?

Как показывает анализ положения России в пространстве товаров, естественным образом диверсифицироваться российский экспорт не сможет – слишком далеко от центральных плотных частей пространства товаров мы находимся. Необходим пересмотр как непосредственно торговой политики, так и экономической политики, влияющей на деятельность российских фирм в целом.

Это особенно важно сегодня, в условиях низкой цены на нефть. Как показывает наш анализ в первой части, высокая цена нефть была выгодна обрабатывающим секторам как в связи с ростом спроса на их продукцию, так и в связи со снижением издержек на импортные комплектующие. Соответственно, снижение цены на нефть и последующее удешевление валюты, наоборот, привели к снижению спроса на продукцию и к росту стоимости инвестиционных импортных товаров, жизненно необходимых для развития этой отрасли.

Важно также понимать, что импортные капитальные товары – важный фактор диверсификации российского экспорта. Поэтому торговая и экономическая политика, направленная на усложнение импорта товаров в страну, лишь усугубляет ситуацию с диверсификацией экспорта. Политика широкого импортозамещения, непродуманно затрагивающего многие сектора экономики, увеличивает стоимость соответствующих импортных товаров для последующих производств в цепочке создания добавленной стоимости, ослабляя влияние на развитие экспорта удешевления валюты.

Необходимо стратегически менять торговую политику, ставя больший акцент на политике продвижения экспорта, в первую очередь – крупных фирм. К сожалению, как в политике перераспределения доходов слабо представлены интересы будущих пенсионеров, в связи с чем правительство может довольно легко изымать средства, предназначенные для накопительной пенсионной системы, так и интересы будущих экспортеров отсутствуют в пространстве политических решений, принимаемых сегодня.

Это особенно важно в стране, экономическая политика которой формируется исключительно под действием интересов лоббистов. Соответственно, мы видим сильных лоббистов, требующих импортозамещения, а лоббисты продвижения экспорта практически не представлены. Те же большие экспортеры, которые

могли бы быть лоббистами, являются, как мы видим, низкопроизводительными и становятся скорее проблемой для экономики. В этом отношении текущая торговая и экономическая политика отражает сложившуюся структуру экономики, и из этой ситуации нельзя выйти естественным образом. Экономическая политика должна отражать интересы не только нынешних, но и будущих стейкхолдеров, еще не набравших достаточного веса, однако есть большие сомнения в том, что это возможно в отсутствие политической конкуренции.

В заключение надо сказать несколько слов о прямых иностранных инвестициях. Дело в том, что в экономической истории есть случаи, когда страны диверсифицировали свой экспорт за довольно короткий срок – до пяти лет. В этом основную роль играли большие иностранные инвесторы, которые приходят в страну с целью обслуживать не ее внутренний рынок, а зарубежные рынки. И ситуация дешевого рубля сегодня, безусловно, могла бы быть привлекательна для такого рода иностранных инвесторов. Однако, к сожалению, российские запреты на импорт товаров, испорченные отношения со многими странами, которые должны были бы быть приоритетом с точки зрения привлечения иностранных инвестиций, играют против реализации такого сценария. И это в свою очередь снижает шансы на создание обдуманной, экспортно ориентированной стратегии развития экономики.

РЫНОК ТРУДА

Владимир Гимпельсон

Парадоксы кризисной адаптации

Особенности российского рынка труда: ценовая адаптация вместо количественной

Для того чтобы оценивать происходящее и прогнозировать возможное будущее, полезно иметь какую-то теоретическую «кочку», с которой мы смотрим на мир. Применительно к российскому рынку труда такой «кочкой» для меня является представление о том, что ценовая адаптация в России доминирует над количественной.

Наш основной тезис заключается в том, что характер зависимости между динамикой выпуска (ВВП) и динамикой безработицы формируется под воздействием определенного набора институтов рынка труда. В стандартном случае эта зависимость обратная: падение ВВП увеличивает безработицу, но не ведет к снижению заработной платы. В развитых странах эта зависимость проявляется в полной мере, а в менее развитых рынок труда может адаптироваться посредством альтернативных механизмов. Если национальные институты устроены иначе, то эта зависимость может оказаться слабой или вообще еле просматриваться. Именно со спецификой ключевых институтов (минимальная зарплата, пособие по безработице, законодательство, защищающее занятость, и др.) и их взаимодействием, по нашему мнению, связаны основные парадоксы российского рынка труда, а не с особым менталитетом российского народа или с патернализмом работодателей и тем более не с удивительной «эффективностью» проводимой на рынке труда политики.

В фокусе дискуссий о рынке труда часто оказывается безработица. Надо отметить, что мы не считаем низкую безработицу абсолютной, бесспорной и тем более единственной мерой экономического здоровья. Есть ряд причин, почему больной (и даже очень больной) организм может не давать высокой температуры (в нашем случае – высокой безработицы). В конечном счете низкая безработица может «успешно» сочетаться со многими другими напастями: низкой зарплатой,

недоиспользованием рабочего времени, деформализацией занятости, вялым созданием новых рабочих мест, низкой производительностью, сильным неравенством и другими проблемами. А полная занятость не гарантирует обеспечения всех желающих высокопроизводительной и хорошо оплачиваемой работой. Многие развивающиеся страны имеют устойчиво низкие показатели безработицы на фоне бедности работающих, зашкаливающей неформальности и пышного букета других проблем.

Нам представляется, и наш прошлый анализ дает этому некоторые подтверждения, что специфика российских институтов во многом задает траекторию не только зарплаты и занятости, но и многих других показателей. Это методологическая предпосылка, на которой строится сценарий будущего.

Текущая ситуация

Итак, что мы имеем в начале 2016 года? Оценка зависит от нашей исходной установки. Если нас преимущественно волнуют занятость и безработица, то все обстоит отлично. Безработица остается ниже 6%, чему большинство развитых стран было бы радо. Хотя есть явные симптомы ее роста, она вряд ли вырастет значительно, если правительство не наделает очевидных глупостей (что, впрочем, не исключено). В 2015 году занятость и экономическая активность, похоже, даже несколько возросли в силу эффекта «дополнительного работника».

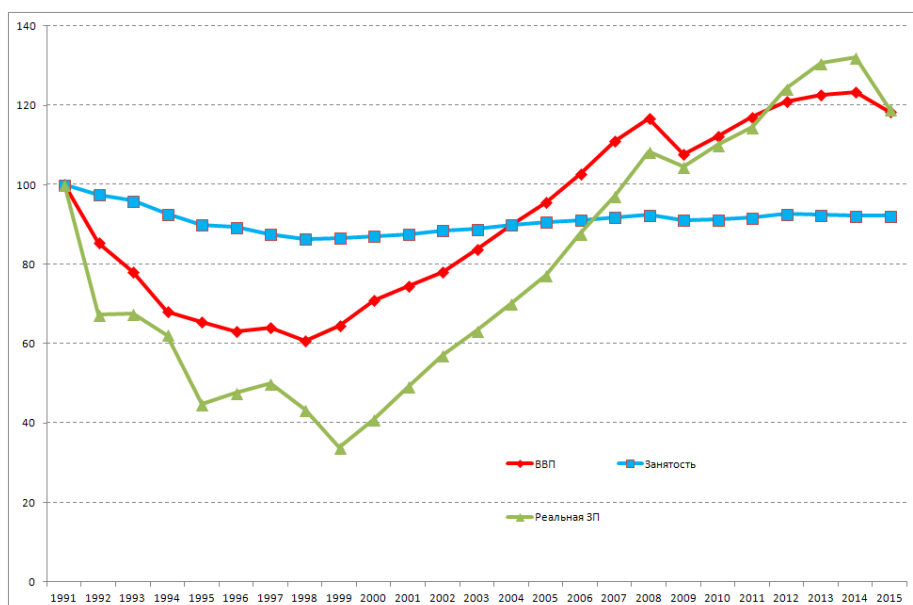

Рис. 1. Выпуск, занятость и оплата труда (реальная заработная плата) в России, 1991–2015 годы

Однако если мы смотрим на доходы, то видим глубокий кризис. Зарплата – а это основной источник потребительского спроса домохозяйств – в реальном выражении за год потеряла 10%. Это означает практически прекращение роста номинальной зарплаты в среднем и ее снижение в ряде секторов. В долларовом выражении зарплата снизилась в 2,5 раза, с 900 долларов в 2013 году до 400 по итогам 2015-го, что есть уровень 2006 года. Учитывая тот факт, что доля импорта в нашем потреблении остается значительной (и его удорожание плохо схватывается ИПЦ), это означает существенное сокращение возможностей качественного потребления, особенно для среднего класса.

Росстат фиксирует зарплаты по организациям, а вне их она ниже примерно на 10–15% и еще более гибкая. Если учесть изменения в структуре занятости, то фактическое снижение реальной зарплаты может быть еще значительнее.

В чем основное отличие от кризиса 2008–2009 годов? Адаптация идет полностью за счет снижения оплаты, другие инструменты почти не задействованы.

Что с другими показателями рынка труда? Структура занятости отличается сильной инерцией и деформализацией. Эти тенденции очень длинные. Если мы посмотрим на них через призму последних 15 лет, то они не реагировали ни на спады, ни на подъемы. Мое объяснение – сложившееся институциональное равновесие поддерживает сильную инерцию занятости. Это касается и темпов деформализации.

Динамика числа вакансий показывает резкий спад начиная с 2014 года. Однако имеющееся число зарегистрированных вакансий все же больше или сопоставимо с тем, которое было в 2005–2010 годах.

Представляет интерес история с зарплатой бюджетников. В 2012–2014 годах, как следствие реализации «майских указов» президента, она вроде бы быстро росла, влияя на общую динамику зарплат. К 2014 году изменилось соотношение бюджетных и небюджетных зарплат не только в среднем, но и в отдельных квантилях распределения. Однако затем из-за неполной индексации вновь стало увеличиваться отставание. В итоге падение реальной зарплаты у бюджетников за период с середины 2014 по конец 2015 года составило 20 п.п. Если вначале она толкала все зарплаты вверх, то теперь тянет вниз.

Снижение ВВП при постоянной занятости означает снижение производительности труда на те же проценты. Таким образом, она стала еще ниже. По-видимому, и внутриотраслевой, и реаллокационный компоненты способствовали этому снижению.

Среднесрочные сценарии

Теперь о будущем. Я не думаю, что среднесрочная перспектива сулит рынку труда какие-то драматические изменения. Для них нужны либо спад/подъем значительного масштаба, либо глубинные политико-экономические сдвиги, которые крайне маловероятны. Насколько я понимаю, на сегодняшний день наиболее вероятным среднесрочным прогнозом темпов роста представляется колебание около нуля.

Однако и некоторое повышение темпов роста не сулит радикального улучшения ситуации на рынке труда. Спрос на труд является производным от спроса на товары, но рост ВВП не гарантирует создания новых рабочих мест. В прошлом этот декаплинг был очевиден: в период экономического роста дополнительная занятость создавалась преимущественно в неформальном секторе. Формальная занятость продолжит сжиматься и мутировать как продолжение старых тенденций.

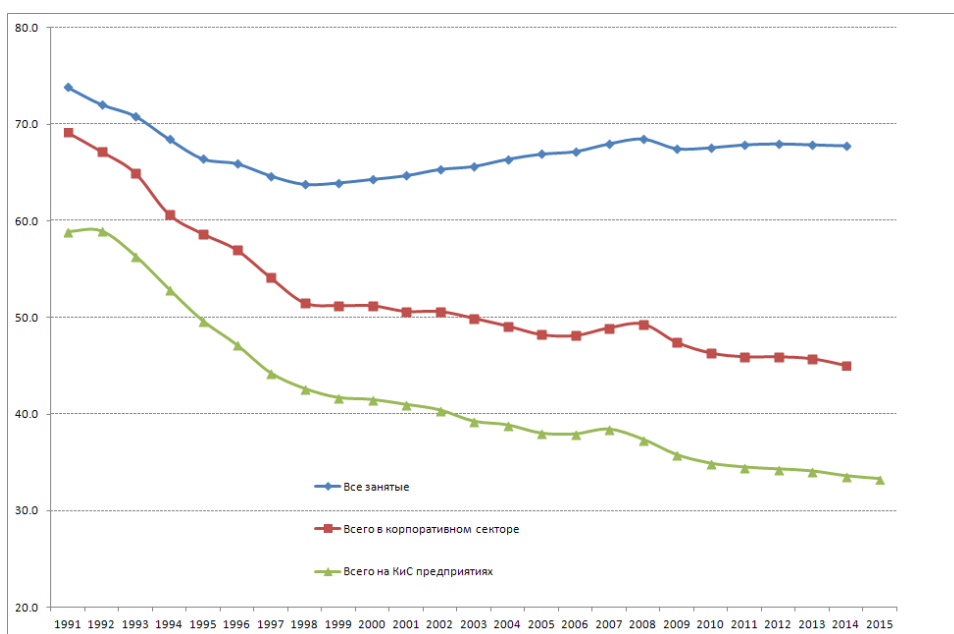

Рис. 2. Изменения в структуре занятости, 1991–2015 годы

Почему? Потому что основные институты не меняются и политического желания их реформировать не видно. Высокая неопределенность будущего, спросовые ограничения и разнообразные риски, связанные с многочисленным персоналом (включая налоги на оплату труда), будут принуждать фирмы к дальнейшему похуданию. Основными абсорберами занятости в прошлом были торговля, услуги и строительство, но они же сегодня являются первыми и наиболее явными жертвами рецессии. Старые фирмы нуждаются в росте производительности, то есть сокращении занятости или росте выпуска без найма новых работников. Новые фирмы не появляются в нужном количестве из-за институциональных ограничений. Сброс занятости в формальном секторе будет абсорбироваться сектором неформальным.

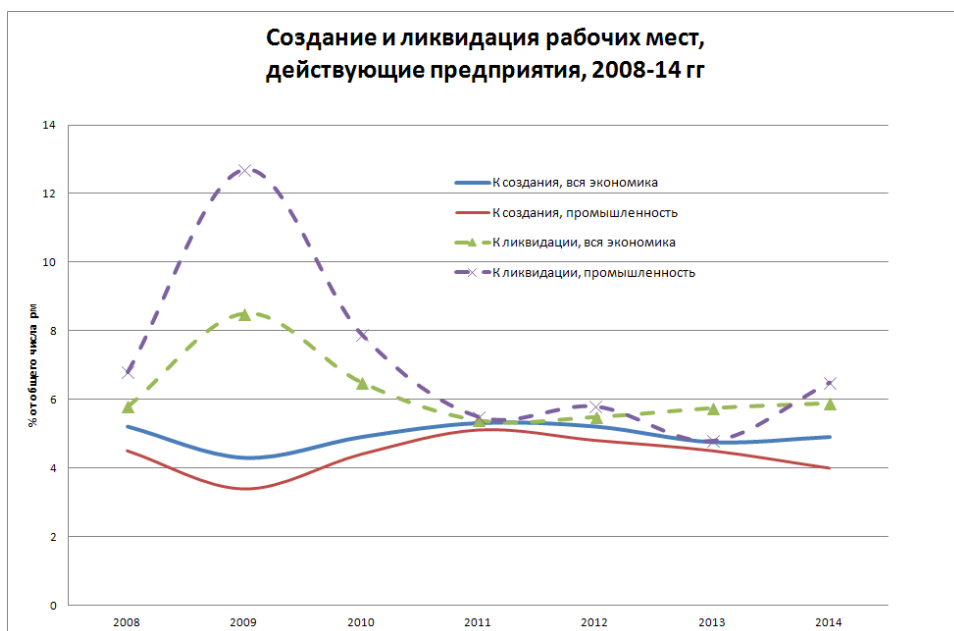

Рис. 3. Создание и ликвидация рабочих мест, действующие предприятия, 2008–2014 годы

Если цена на нефть задержится на текущих уровнях и сокращение госрасходов продолжится, то вслед за этим вниз поползет и зарплата в значительной части экономики.

Возникает вопрос: является ли демография союзником, противодействующим падению оплаты труда? На этом временном горизонте не очень. Население станет старше, но общая численность в возрасте 16–72 не изменится (согласно среднему варианту прогноза).

Набор альтернативных сценариев зависит от многих обстоятельств. Динамика ВВП, изменения в институтах, демографические сдвиги и т.п. Про ВВП мы уже сказали, институты считаем неизменными, эффект демографии на пятилетнем отрезке ограничен.

Однако может иметь значение точечная политика в отношении разных частей распределения по заработной плате:

- «поджимается» левый хвост (с помощью МРОТ, пособий и т.п.) формальной части распределения, но безработица абсорбируется неформальностью;
- «поджимается» левый хвост, но неформальность жестко зажимается, тогда быстро растет безработица;
- институты сохраняются как есть, а с неформальностью идет полномасштабная война – рост безработицы.

Конечно, отсюда не следует, что факторов, которые могли бы безработицу подстегнуть (кроме тех, что названы выше), нет совсем. И один из наиболее существенных – полная неопределенность будущего. Российская экономика все больше становится заложницей политики и геополитики, а в таком случае экономические агенты не знают, чего ожидать даже в ближайшей перспективе. Неопределенность ситуации влияет не только на инвестиционные решения, но и на текущие решения о найме и увольнении работников. В этих условиях для многих бизнесов минимизация численности персонала может стать оптимальной долгосрочной стратегией.

Основные выводы

Подводя итоги проделанному анализу, мы можем сделать следующие основные выводы:

- хотя реакция рынка труда на кризис 2014–2015 годов отличается от реакции на кризис 2008–2009 годов, главные механизмы работают в том же режиме;
- в условиях текущего кризиса численность занятых и экономически активного населения не стала уменьшаться, как естественно было бы ожидать при наступлении рецессии в экономике, а продолжала увеличиваться благодаря эффекту «дополнительного работника»;

- единственный количественный показатель, который отреагировал на текущий кризис сильнее, чем на предыдущий, – потребность в рабочей силе, заявленная предприятиями в ГСЗ; на всех остальных количественных индикаторах рынка труда: регистрируемой безработице, найме, выбытиях, вынужденных увольнениях, вакансиях по отчетности предприятий, задержках зарплаты – текущий кризис практически не отразился;
- в то же время ценовая реакция (через снижение реальной заработной платы) оказалась намного сильнее и более растянутой во времени; именно повышенная гибкость показателей заработной платы позволила российской экономике избежать резкого сокращения занятости и скачка безработицы; этому способствовали высокая инфляция и курс на урезание социальных расходов;
- можно ожидать, что даже в случае углубления экономического кризиса у нас сохранятся низкие показатели безработицы, резкий ее всплеск в обозримой перспективе, по-видимому, не грозит. Есть целый ряд институциональных и структурных факторов, которые крайне эффективно «помогают» государству в деле обеспечения «стабильности» на рынке труда. В то же время нельзя исключить, что падение реальной заработной платы в этом случае продолжится.

Каковы пределы снижения? По-видимому, есть некоторые социальные и политические ограничения, но где они – сказать трудно. Альтернатива снижению – рост безработицы, на что власть, по-видимому, не пойдет. В экономическом плане тотальное снижение зарплаток – удар по спросу и, соответственно, по производству.

Самый общий вывод, который мы можем сделать, заключается в том, что специфическая российская модель рынка труда с преобладанием ценовой подстройки над количественной продолжает успешно действовать и в очередной раз продемонстрировала свою способность эффективно гасить даже сверхсильные экономические шоки. Цена такой ценовой подстройки – тема для специального разговора. Дело в том, что безработными, как правило, оказываются люди, наименее производительные, они имеют больший шанс потерять работу. А смягчение экономического шока за счет ценовой подстройки касается всех, включая и самых производительных. Поэтому применительно к нашей ситуации, наверное, для правительства это ситуацию смягчает. Нам все

время говорят, что низкая безработица – один из социальных приоритетов. Так что, если кого-то беспокоит безработица, не волнуйтесь, не переживайте – высокой безработицы не будет.

ДОХОДЫ ДОМОХОЗЯЙСТВ

Лилия Овчарова

Динамика доходов и неравенство богатства

Я остановлюсь на двух наиболее важных, на мой взгляд, моментах: на динамике доходов населения и неравенстве в их распределении. Потому что именно неравенство в распределении доходов я считаю в настоящее время недооцененным риском.

Но прежде чем перейти к обсуждению этих вопросов, кратко остановлюсь на демографии. Возможно, для занятости, как отмечал Владимир Гимпельсон, старение населения не является серьезным шоком. Но с точки зрения пенсионной системы увеличение доли пожилого населения – это очень серьезный стресс для экономики. И не только потому, что доля получателей пенсии будет увеличиваться в ближайшее время ускоренными темпами, но еще и потому, как отмечал Владимир Гимпельсон, что у нас велика доля неформальной занятости. Притом что в России занятых 70 млн человек, пенсионные отчисления формируют всего 50 млн. И судя по всему, реакцией на кризис будет усиление неформальной занятости, а значит, поступлений в пенсионный фонд будет еще меньше.

Пенсионная проблема остается нерешенной. Мы, к сожалению, не захотели ее решить в более тучные годы и во время последней реформы, которая стартовала в 2015 году. Решение сложных вопросов – повышение пенсионного возраста, соплатежи со стороны населения, прекращение выплаты пенсии работающим пенсионерам, досрочные пенсии – мы отложили на будущее. Кризис – это не то время, когда такие решения находят понимание у населения, поскольку они ухудшают материальное положение электорально активной и очень значимой группы населения, но, боюсь, что все-таки эти решения будут приняты.

Динамика доходов: затяжной шок

Теперь я хотела поговорить о доходах населения. Мы рассматриваем три ключевых показателя за весь постсоветский период: индекс потребительских цен, динамика ВВП, динамика реальных доходов (рис. 1, стрелками отмечены девальвационные шоки, а красными столбцами – эпизоды снижения доходов). Как

видим, сейчас у нас уже пятый эпизод падения реальных доходов за историю постсоветского развития.

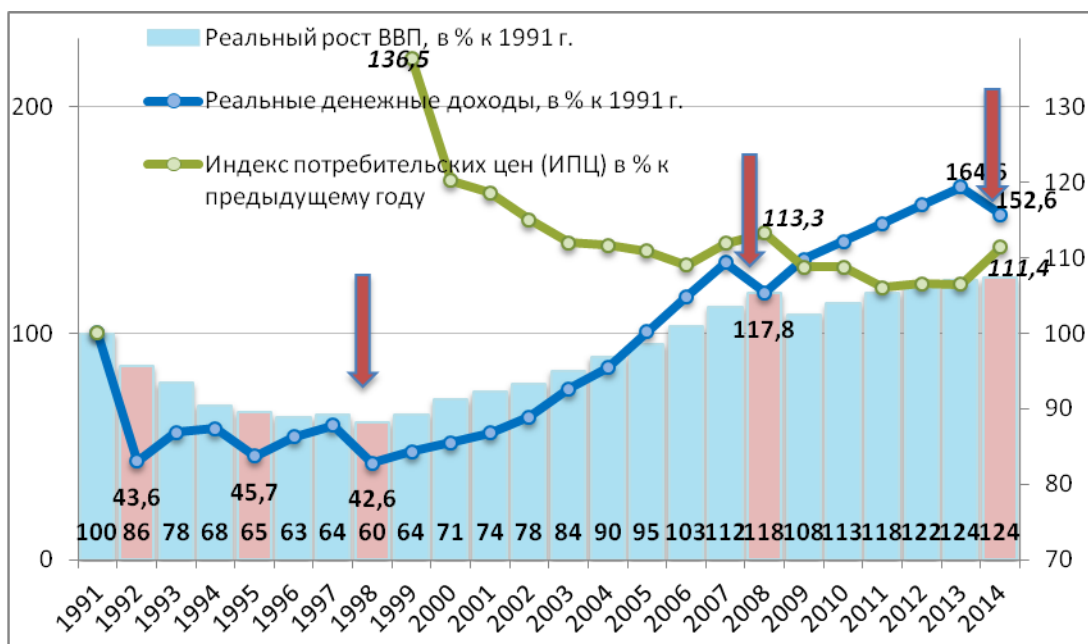

Рис. 1. Динамика ВВП, динамика реальных доходов и индекс потребительских цен

Он отличается тем, что длится уже два года, и, судя по всему, 2016-й тоже будет годом падения реальных доходов. То есть это длительный стагнационный период, который раздражает и разочаровывает. Если во все предыдущие кризисы были падения и отскоки в течение года, то сейчас отскока не получается.

Как эпизоды падения доходов, так и девальвационные шоки выработали у населения определенные стратегии поведения в период кризиса. Как только девальвация – мы делаем запасы. Причем, каждый свои, кто гречкой, кто автомобилями, кто квартирами – кому на что хватает. Это наша первая реакция.

Теперь подробнее о последнем падении реальных денежных доходов. Пока оно не так опасно, как оценивает ряд экспертов, у нас были периоды и похуже. Но весь 2015 год люди жили в ожидании отскока, нам несколько раз объявляли, что мы достигли «дна» и скоро от него оттолкнемся. И помимо патриотических настроений, ожидание быстрого отскока поддерживало оптимизм. Начиная с сентября с точки зрения потребительских ожиданий и оценки ситуации на рынке труда оценки стали резко ухудшаться. И боюсь, что лица, принимающие управленческие решения, этого не чувствуют.

Еще один сюжет – это предпринимательские доходы. Для этого я перейду к структуре денежных доходов населения и оценке ее динамики. Я хотела бы обратить внимание на начало 1990-х годов. Доля предпринимательских доходов в денежных доходах населения в значительной степени объясняет, почему население, как мы сейчас понимаем, достаточно сдержанно отнеслось к шокам 1992–1993 годов. В то время каждый занимался тем, чем мог, и многие занимались предпринимательством. После первого шока от того, что на работе не платят заработанную плату, приходили некоторое время в себя и быстро находили себе место на новом рынке труда. Владимир Гимпельсон показывал 8 млн рабочих мест, созданных в неформальном секторе. И либерализация торговли, и дефицит товаров создали возможности для развития массового предпринимательства. Оно часто развивалось по модели выживания, но это был коридор развития для многих. Сейчас такого источника нет.

Всякий раз, когда я задаю вопрос, где появятся новые рабочие места, не слышу внятного ответа, за исключением того, что будет институциональная среда и она каким-то образом что-то там создаст. Вообще, видимо, без свободы не получится. Если не можем дать денег, то надо понять, что нужно дать свободу. Поскольку денег нет, свобода, судя по всему, – это то, что мы в ближайшее время все-таки можем получить.

Хотела бы еще обратить внимание на то, что существенную долю в доходах населения сейчас занимают социальные выплаты. Их удельный вес выше, чем в советское время. И это несмотря на то, что мы испытываем серьезные проблемы с пенсионным обеспечением. Высокие социальные обязательства создают серьезные проблемы для бюджета.

Неравенство доходов и неравенство богатства

И второй сюжет, на котором я хотела остановиться, это неравенство в доходах. Во-первых, оно у нас в стране достаточно значительное. Во-вторых, оно росло высокими темпами. Неравенство – это необходимое условие для развития, и, мне кажется, все экономисты это понимают. У неравенства есть и меритократические, позитивные функции, и те, что вызывают раздражение и способны стать катализатором социального протеста. На рис. 2 показаны результаты декомпозиции неравенства посредством использования индекса Тейла.

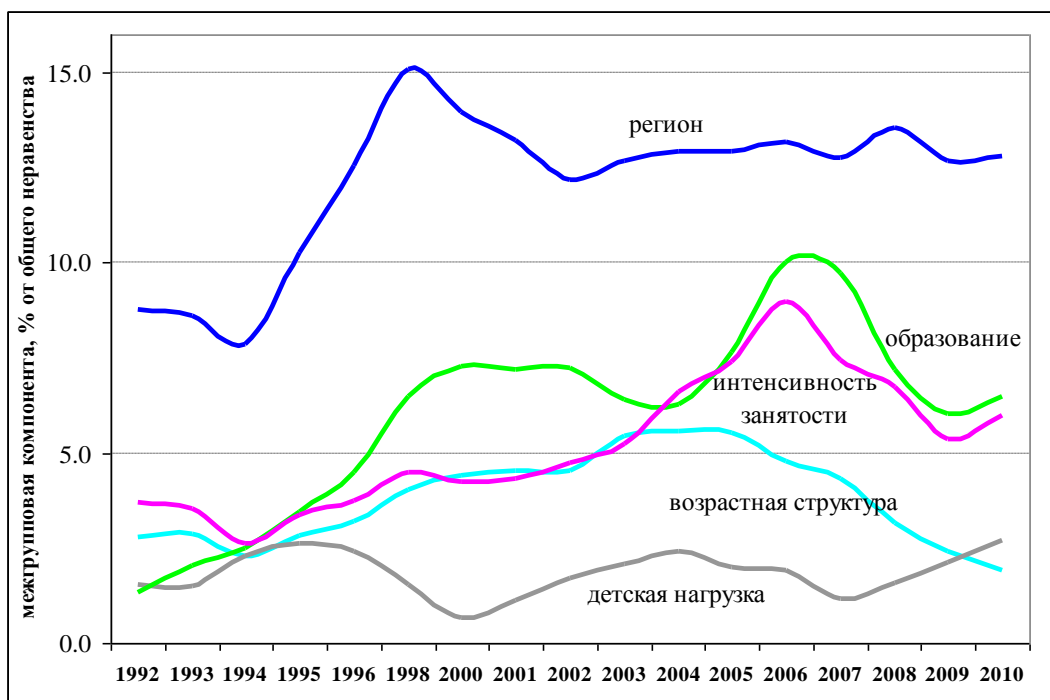

Рис. 2. Межгрупповые факторы неравенства в России в 1992–2010 годах

Межгрупповое неравенство – это, как правило, коридоры развития. К меритократическим факторам неравенства относятся образование и интенсивность занятости, и радует, что они у нас работают. Если ты образован и много трудишься, обладаешь большими компетенциями, то более высокие доходы воспринимаются как справедливая отдача на образование и экономическую активность. Но у нас по-прежнему самое высокое межгрупповое неравенство обусловлено регионом проживания. В сравнении с другими странами в общей структуре факторов неравенства меритократические в большинстве стран более значимы, чем у нас. Поэтому позитивный эффект от занятости и образования не вносит достаточного вклада в общее неравенство, что повышает значимость неравенства как фактора социальной напряженности.

Завершая историю с неравенством, я хотела бы обратить внимание на то, что если посмотреть на неравенство не через призму доходов, а через призму богатства, то здесь мы еще больший лидер, чем по показателям доходов. По данным Swiss Credit Bank, соревнуемся мы за первое место с Украиной, и приведенные данные говорят о том, что у нас разрыв между неравенством в доходах и неравенством в богатстве очень большой. То есть при переходе от доходов к богатству это неравенство становится еще большим. Хочу подчеркнуть, что так бывает не всегда, поскольку если вы посмотрите на Данию, то при

высоком неравенстве по богатству здесь низкое неравенство по доходам. В условиях экономической стагнации неравенство чаще открывается негативными, нежели позитивными характеристиками.

Ну и наконец хотелось бы остановиться на структуре потребительских расходов. В табл. 1 приведена структура потребительских расходов восьмой децильной группы – контрольной для среднего класса. В принципе, к 2014 году по потреблению она стала похожа на прототип среднего класса. На удовлетворение базовых, минимально необходимых биологических и социальных потребностей приходится половина всех потребительских расходов. А вторая половина приходится на те потребности, удовлетворяя которые население осуществляет рациональный выбор инвестирования в ресурсы развития. Выбор всегда стимулирует экономический рост, а реализация моделей выбора потребительского поведения, ориентированного на саморазвитие, повышает качество человеческого капитала.

Таблица 1. Структура потребительских расходов восьмой децильной группы, данные Росстата (обследование бюджетов домашних хозяйств), %

	2000	2007	2012	2013	2014
Потребительские расходы, всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
В том числе расходы на:					
продукты питания и безалкогольные напитки	46,1	26,5	27,6	26,3	28,6
одежду и обувь	17,4	12,2	12,1	11,1	10,9
ЖКУ и топливо	5,9	10,6	10,4	10,2	9,4
Итого, минимально необходимые расходы на:	69,4	49,3	50,1	47,6	48,9
здравоохранение,					
в том числе:					
медикаменты, медицинское оборудование	–	–	1,8	2,1	2,0
амбулаторные услуги и услуги стационаров	0,6	2,6	1,8	1,5	1,5
транспорт,					
в том числе:					
покупка транспортных средств	1,3	3,6	2,0	2,4	2,4

эксплуатация транспортных средств	–	–	6,4	7,4	7,2
транспортные услуги	2,6	3,6	2,9	2,7	2,5
связь	1,1	3,3	3,5	3,5	3,6
организацию отдыха и культурные мероприятия	3,7	8,6	8,1	9,9	9,0
образование	1,3	2,8	2,2	1,3	1,3
гостиницы, кафе и рестораны, в том числе:	–	–	4,0	3,9	4,4
общественное питание	2,1	-	3,9	3,6	6,1
все прочие товары и услуги	–	–	7,5	7,1	6,8

Мы только-только вышли на уровень, когда качество человеческого капитала с максимальной отдачей способно генерировать экономический рост. И к сожалению, сейчас делаем шаг назад. И если этот шаг назад вернет нас к ситуации, когда выживание станет преобладающим потребительским стандартом в стране, очень трудно говорить об экономике знаний. Наверное, решение экономических проблем за счет сокращения потребления имеет под собой определенные основания, но при этом мы рубим сук, на котором сидит развитие за счет качества человеческого капитала.

Какие меры политики могут сегодня сработать на развитие? Я не вижу возможностей для расширения доходной базы за счет развития малого и среднего бизнеса. Предыдущие 15 лет показали нам, что этот сегмент у нас если и развивается, то только в режиме выживания, а не как драйвер развития. Что касается расширения доходной базы бюджета за счет сокращения неформальной занятости, то вероятность этого очень мала.

Наверное, надо все-таки попытаться как-то договориться с населением о соплатежах за социальные услуги и страховые программы. Возможно также расширение доходной базы за счет налогов, потому что у нас достаточно низкий подоходный налог. И возможна некоторая оптимизация системы социальной поддержки населения, если удастся ее преимущественно ориентировать на поддержку на основе нуждаемости. Но все это возможно только в том случае, если бремя кризиса будет справедливо распределено между разными доходными

слоями населения. Если мы захотим, чтобы за это заплатил только средний класс и бедные, боюсь, что не получится.

СОЦИАЛЬНЫЕ НАСТРОЕНИЯ

Лев Гудков

Посткоммунистический рессантимент: кризисы ведут к реанимации советских представлений, а не к росту спроса на перемены

На первый взгляд, массовые настроения кажутся чем-то эфемерным, и прогнозировать их чрезвычайно трудно, поскольку тут многое зависит от внешних и случайных обстоятельств. Но, отслеживая их динамику на протяжении уже более 25 лет, видишь, что они являются лишь феноменальным выражением более устойчивых социально-политических представлений, а те в свою очередь заданы институциональными рамками повседневного существования и массового поведения, имеющимися в распоряжении социальных элит культурными ресурсами. Главные особенности позднесоветской и постсоветской социальной антропологии: пассивная адаптация населения к репрессивному государству, хроническое осознание отдельным индивидом своей социальной неполноценности, компенсируемое символической идентификацией с «великой державой», вынужденный патернализм государственно зависимых людей – определяют инерционность общих установок, а значит, и характер восприятия предполагаемых процессов и событий.

Исчерпание мобилизационного подъема

Сегодня социальные, или массовые, настроения обусловлены резонансом двух неравных по своим масштабам циклов. Первый – это приближение к выходу из состояния коллективной мобилизации, вызванной антиукраинской пропагандой, аннексией Крыма, конфронтацией с Западом. Патриотический подъем, причины которого коренятся в травмах коллективного сознания, неизжитых постимперских комплексах национальной неполноценности, заканчивается.

Дело не только в психологической усталости от длительного принудительного возбуждения, но и в растущей тревожности, вызванной явным ухудшением материального положения семей, и довольно заметным пессимизмом в отношении будущего экономического положения в стране. Люди обеспокоены перспективой возвращения к тому состоянию бедности или даже нищеты, которое они переживали в середине 1990-х. 82% респондентов говорят о том, что страна

оказалась в глубоком кризисе. 55% заявляют, что они вынуждены сокращать свое текущее потребление, экономят на продуктах питания, откладывая на неопределенное время запланированные крупные траты. Экономят даже на медицинских расходах. А это значит, что основная масса населения готова к переходу (возвращению) к предшествующей стратегии повседневного существования: мотивации физического выживания.

Эта модель поведения может быть названа «резервной», но она по-прежнему остается в коллективной памяти как базовая жизненная стратегия у советского человека, определяющая основные ценностные и антропологические представления, имморализм, низкий уровень запросов и aspirations, низкий уровень институционального и межличностного доверия, а потому – слабую солидарность и страх перед всем новым и неизвестным, подавляющий стремление к изменениям.

Речь идет не о том, что исчерпаны *идеологические* ресурсы этого мобилизационного подъема, а о факторах, сбивающих настроения коллективного воодушевления, переживания национальной гордости и самоуважения. Еще раз подчеркну: снижается не уровень оправдания проводимой руководством страны агрессивно-мобилизационной политики, а уровень готовности ее поддерживать (что принципиально разные вещи). За полтора года (апрель 2014 – ноябрь-декабрь 2015 года) доля респондентов, готовых одобрить и поддержать прямую интервенцию российской армии в Донбасс, сократилась с 74 до 20%.

Такое развитие событий понятно и ожидаемо. Явная встревоженность из-за наступающего кризиса, угрозы потери работы, рост инфляции и т.п., собирающиеся в широко распространенный, но диффузный, неартикулируемый страх обнищания, не канализируются в осознание ответственности властей за проводимую ими политику и, соответственно, не провоцируют поиск причин кризиса или виновников падения жизненного уровня, то есть недовольство не конвертируется в агрессию против власти. Неопределенное раздражение добивает механизмы мобилизационного возбуждения и размывают состояние коллективного единства, но не меняет самой структуры массового сознания и коллективной идентичности.

Конец идеологии транзита

Признаки завершения второго цикла, напротив, гораздо менее заметны, плохо сознаваемы, хотя они появились гораздо раньше спада патриотических сантиментов. В данном случае я имею в виду исчезновение той большой идеологической, или идейной, платформы, которой жила страна последние 25 лет, – это идея транзита, перехода от коммунистической, тоталитарной советской системы к демократическому обществу.

Сегодня почти никто уже не верит в то, что Россия в обозримое время может стать «нормальной» развитой страной, такой же демократией, как другие центральноевропейские страны. Последние следы этой веры стерлись после разочарования от неудачи массовых демонстраций протеста и в момент массового возбуждения от «Крымнаш» и противостояния Западу.

Политика поношения западных стран, сознательно проводимая сегодня официозом, непрерывного обвинения их в заговоре против России, обличение «демагогической сущности» принципов «демократии», «прав человека», дискредитация идей и ценностей либерализма, индивидуальной свободы, гражданского общества и прочего разорвали в коллективном сознании связку «Запад = демократия = достоинство человека = благосостояние».

Население за годы путинского правления легко приучили к мысли, что авторитарный режим, государственный патернализм, составляющий специфику «особого пути России», в состоянии дать населению то, что оно хочет, а именно стабильность и гарантированное умеренное благосостояние. Не кризис породил чувство тревожной неопределенности, а исчезновение образа будущего. Представление о целях развития, ценностных ориентациях на желаемое будущее, соответственно мотивы достижительского поведения, требовавшие методического самоконтроля, отложенной gratification потребления, понимания значимости собственных инвестиций в человеческий капитал, оказались погашенными после зачисток публичного пространства от политической конкуренции, подавления информационного многообразия и сокращения поля деятельности гражданского общества. Кризис лишь усилил эти чувства.

У многих оппозиционно настроенных к власти групп ощущение собственной беспомощности или своей политической несостоятельности оборачивается

крайней переоценкой потенциала массового недовольства, что трансформируется в ожидания социального взрыва, сметающего нынешний режим. Это сюрреалистическая картина основана не на анализе фактического положения дел, а на ожидании чуда. По существу, такие прогнозы не более чем проекция собственной неспособности к пониманию происходящего (другая сторона неприятного осознания самого факта, что большинство населения не разделяет твои либеральные и демократические ценности и представления). Логика «бог из машины» отражает слабость интеллектуальных возможностей критически настроенной к власти социальной элиты.

Иллюзорные ожидания, что ухудшение положения в экономике и снижение доходов населения неизбежно вызовут социальный взрыв, который разрушит режим или по крайней мере приведет к расколу элит, что в свою очередь станет стимулом или движущей силой политических изменений, как это было в перестройку, играют роль суррогатных мотивов для собственной работы оппозиции, компенсаторных механизмов собственной слабости. Непонимание того, что происходит, и есть «кризис реальности».

Самое важное, что происходило в последние годы, – это усиление роли не контролируемых обществом институтов: вертикали власти, тайной полиции, репрессивных органов и пропаганды, подавляющих механизмы социальной дифференциации и автономизации общественных подсистем, то есть процессов усложнения и самоорганизации общества. А значит – и ресурсы развития или модернизации страны.

Отношение между политическими и экономическими представлениями и интересами массы не носят характера линейной зависимости. Они опосредованы институциональным контекстом существования людей в повседневности, определяющим двойственность идеологических установок и практик выживания, то есть характер адаптации к произволу власти. Так, нагнетание атмосферы конфронтации с Западом и чувства, что страна на грани большой войны, заставляет людей пересматривать свои жизненные приоритеты и отодвигать в сторону претензии к власти (по состоянию на июль 2015 года принцип «все можно вынести и перетерпеть, лишь бы не было войны» разделяет подавляющее большинство россиян – 58%, еще чуть более 30% пассивно принимают этот навязываемый тезис, но не имеют сил что-либо возражать против него, не

согласны с такой постановкой вопроса лишь 11%). На это работает и апелляция к героической истории Державы, и смена образов врага, и другие механизмы поддержания консолидации вокруг власти.

Аномалии социальных настроений

Если посмотреть на индекс социальных настроений, который у нас в «Левада-центре» ведет М.Д. Красильникова, мы увидим умеренное снижение массовых оценок ситуации в стране. Этот показатель агрегирует данные опросов более чем по 12 диагностическим вопросам (отношение к власти, ожидания на будущее, оценка экономического положения страны и материального положения семьи и др.). Это очень чувствительный показатель, поскольку он указывает на вероятность изменений за несколько месяцев до того, как они происходят.

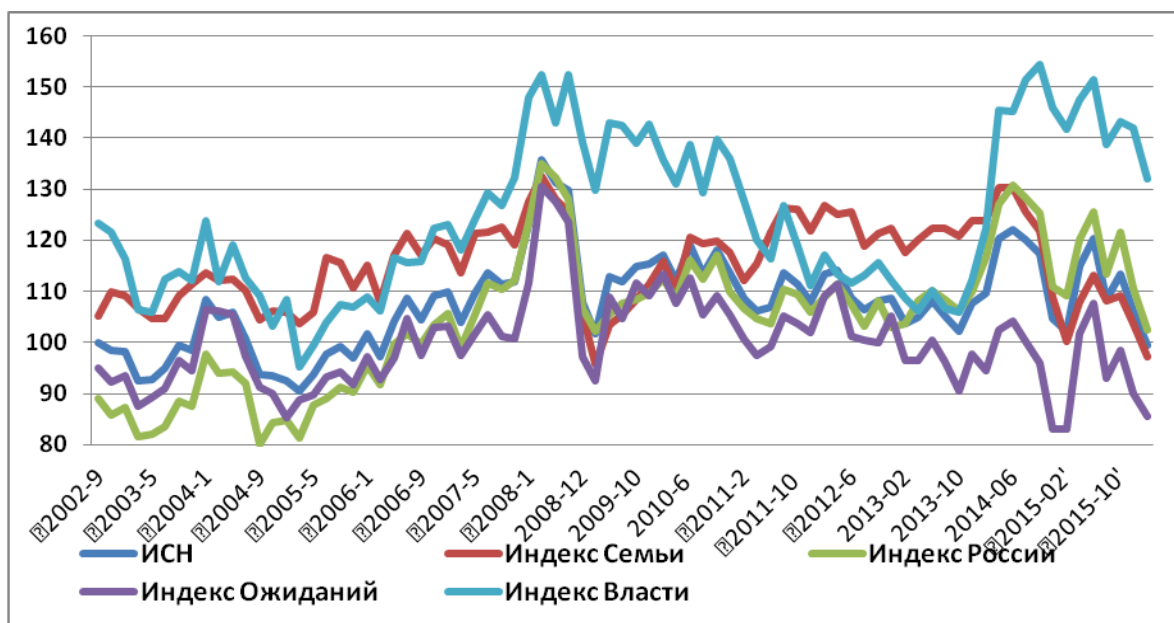

Рис. 1. Составляющие индекса социальных настроений

Но если посмотреть на разные составляющие этого индекса, то мы увидим очень странную картину. В спокойные времена (2002–2007) все компоненты ведут себя более или менее согласованно, подчиняясь наиболее значимому фактору: доверию к власти. Государственный патернализм здесь играет определяющую роль, влияя на все прочие оценки, прежде всего на представления о шансах семьи в ближайшем (обозримом) будущем. Оценки положения в семье всегда более позитивны и более устойчивы, чем оценки экономического положения в стране или ожидания в ближайшем будущем (красная линия на рис. 1).

Такое соотношение сохранялось до кризиса 2008 года (пик позитивных настроений приходится на конец лета-осени того года – спровоцированная война с Грузией, очередная патриотическая кампания, «пятиминутки ненависти» и т.п. обусловили подъем позитивных оценок). Дальше обвал, кризис. После некоторой накачки денег в социальную сферу обозначился небольшой (предвыборный) рост настроений, а затем медленный спад оценок, вплоть до конца 2013 года. Снижение дошло до уровня середины 2000-х или начала 2000-х годов. Но после кризиса 2008–2009 годов поведение социальных составляющих и показателей резко изменилось – обозначился разрыв между отношением к власти и факторами экономического роста, экономического положения. Оценки населения стали гораздо менее стабильными. С этого момента стало размываться представление, которое сопровождало до того весь период путинского правления, а именно что непрерывный рост доходов населения, благосостояние обеспечены именно мудрой политикой власти, политикой Путина и его государства. (Такое массовое понимание действительности определяло принятие режима, несмотря на всю критику его коррумпированности и злоупотреблений, и, в общем, обеспечивало его поддержку.)

После кризиса связь этих компонентов стала неустойчивой, колебания – очень резкими. Взлет всех оценок и ожиданий, связанных с антиукраинской кампанией, аннексией Крыма и конфронтацией с Западом, на короткое время опять связал эти ранее разошедшиеся показатели. Но только до осени 2014 года. А потом – резкий спад и расхождение отдельных составляющих. Их связь разорвалась, что для патерналистского сознания очень необычно. Доверие и позитивное отношение к власти, прежде всего к президенту, сохраняются на очень высоком уровне. А повседневные экономические ожидания, и прежде всего оценки на самом бытовом, семейном уровне, крайне пессимистичны и ухудшаются, несмотря на общий мобилизационно-патриотический подъем. Крымская кампания дала очень незначительный прирост, после которого произошел обвал ожиданий.

При этом мы наблюдаем усиление гордости и рост самоуважения (за полтора года конфронтации и истерической пропаганды показатели самоуважения у населения, компенсаторные переживания, связанные с постимперским синдромом, выросли почти в два раза). Сознание того, что «мы вновь стали великой державой, мы вернули себе уважение в мире», обеспечило поддержку власти, несмотря на весь пессимизм в отношении будущего, неустойчивость

материального и социального положения (а большинство людей считает, что кризис будет очень долгим, продолжительным, гораздо дольше, чем два-три года). Будущее исчезло. Люди не представляют себе, чего ждать.

После патриотического подъема 2014 года произошла смена модели повседневного существования. Ожидание постоянного роста и благополучия (модель «потребительского общества», совершенно новая для нашей страны) сменилось режимом «дефицитарного существования»: люди перешли к запасной, или резервной, модели физического выживания, пассивного существования, знакомой еще по советским временам. Память об этом и соответствующие нормы и стратегии поведения никуда не ушли. Вернуть этот пласт сознания было тем легче, что уровень самих запросов у большей части населения был крайне невысок, что объясняет быстроту и простоту их удовлетворения в годы путинского процветания и благополучия.

Сейчас, при снижении уровня жизни, наступил черед другой доминанты массовых настроений: «надо терпеть». 58% опрошенных заявляют: «жить трудно, но можно терпеть», и это основной тон, принудительная коллективная модель существования, которая будет определять жизнь в стране на долгий период. Всего 7–10% считают, что «жизнь улучшается и жить можно». Самые дезадаптированные группы (а это 17% населения) говорят, что «терпеть наше бедственное положение уже невозможно». Соответственно, уменьшились, и очень сильно, как потенциал протеста (общее ожидание возможности массовых выступлений с антиправительственными лозунгами), так и готовность личного участия в подобных акциях. В последние месяцы они держались на отметке 9–11% для политических акций и 15–18% для акций с экономическими требованиями. Но оба эти индикатора отражают не реальную готовность выйти на улицу, а чисто декларативные заявления. Понятно, что если бы даже не 10% населения вышли на улицу, а 1–2%, это было бы совершенно другое состояние общества. Парализует массовую готовность к защите своих прав, несмотря на все нарастающее неблагополучие, привычное сознание, «что сделать ничего нельзя». Этот очень устойчивый феномен, «выученная беспомощность», связанная с отсутствием правовой защиты населения, недоверием к судебной системе, к власти и т.д.

Рис. 2. Потенциал протеста с экономическими требованиями

В результате после каждого подобного кризиса мы наблюдаем реанимацию советских представлений. Хроническим раздражением и недовольством окрашено и ощущение растущего неравенства, социальной зависти (правильнее его было бы называть рессантиментом, массовым провинциальным рессантиментом), завистливым и квазиморальным возмущением положением более благополучных групп, прежде всего завистью к столице, к богатой Москве, общим пониманием неустроенности, или, точнее, несправедливости, социального порядка, против которого, однако, делать ничего нельзя.

Поэтому реакция на эти факторы раздражения выражается не в желании изменить институциональную среду и не в идеях политического участия, а в редукции нарастающих проблем, сложности социальной жизни путем консервативной критики настоящего через апелляцию к прошлому, идеализированным представлениям об ушедшей советской жизни, «когда был порядок», «умеренный, но зато гарантированный достаток», уверенность в завтрашнем дне, сильное государство, «нас уважали, потому что боялись» и т.п.

Рессантимент порождает очень устойчивое представление – комплекс «жертвы обстоятельств» (характерный для 55–58% опрошенных), убежденность основной массы людей в том, что они «проиграли» в результате всех изменений, последовавших после перестройки и ельцинских реформ, и что «лучше было бы,

если бы все оставалось таким, каким оно было до 1985 года». Речь идет не о ностальгии по советской дефицитарной повседневности, а о редукции сложной реальности, примитивизации массового сознания и сокращении запросов – ценностных, моральных, интеллектуальных.

Это постоянно идущий процесс общественной деградации, связанный с отсутствием механизмов социально-функциональной или структурно-функциональной дифференциации, подавляемой архаической системой власти, деспотическим и коррумпированным режимом. Можно назвать эти проявления «абортивной модернизацией». Такого рода структуры сознания будут придавать в будущем, как мне кажется, инерционный характер массовому поведению. Другими словами, мы имеем дело со стратегией понижающей адаптации, заключающейся в том, что людьми движет не стремление к изменению положения вещей, готовность к участию, собственной активности в политике, в общественной жизни, а угнетающее сознание необходимости приспособливаться к любым поворотам судьбы и вариантам политической жизни. Именно такого рода представлениями, вместе с массовым рессантиментом, объясняется крайне низкий потенциал протестов и малая вероятность социального взрыва, а значит – перспектива длительной медленной деградации.

ПОЛИТЭКОНОМИЯ КРИЗИСА

Кирилл Рогов

«Нефтяное проклятие» в России (2010–2014) и его последствия

Под политэкономией кризиса мы понимаем те напряжения и конфликты по поводу сложившихся принципов доступа к ресурсам и распределения благ, которые могут возникнуть в процессе адаптации к новым экономическим условиям, связанным с долгосрочным снижением размеров сырьевой ренты. В целом у нас есть два подхода к оценке вероятных политических последствий длительного периода низких цен на нефть и низких внешних доходов российской экономики. Первый – компаративистский: посмотреть, что бывает у других. Второй – структурный: посмотреть, что у нас было раньше и как это менялось в связи с колебаниями цен на нефть.

Нефтяной шок и устойчивость политических режимов в сравнительной перспективе

Если рассматривать ситуацию в компаративистской перспективе, то нельзя пройти мимо работ, посвященных влиянию на нефtezависимые страны экономических кризисов, в том числе связанных с падением цен на нефть¹. И в этих работах можно выделить два существенных вывода. Во-первых, что кризисы в нефtezависимых странах примерно с равной частотой случаются как в периоды нефтяного бума, так и в периоды снижения цен. В периоды бума это связано с какими-то новыми распределительными запросами; наверное, самый яркий пример здесь – это иранская революция 1978–1979 годов. Этот вывод важен, потому что напоминает нам, что рост рентных доходов – это серьезный политический вызов для режима, как выясняется не меньший, чем их снижение. Второй вывод состоит в том, что авторитарные режимы в богатых нефтью странах более устойчивы, в частности более устойчивы к экономическим шокам. И в том числе к шокам, связанным с падением цен на нефть.

Однако в подобных работах указывается, что данные выводы не имеют высокой статистической значимости, потому что получены на выборке с малым числом наблюдений – это обычно немногим больше 20 стран. По сути, здесь одна

¹ См., например: Smith B. The wrong kind of crisis: Why Oil Booms and Busts Rarely Lead to Authoritarian Breakdown // Studies in Comparative International Development. Winter 2006. Vol. 40. N 4.

панель – мы можем видеть, как нефtezависимые страны справлялись с выходом из периода высоких цен в 1980–1990-е годы в рамках первого нефтяного суперцикла (о котором упоминал Евсей Гурвич). Страны, которые составляют эту панель, очень разные и могут быть разбиты на три группы.

Например, есть группа бедных стран, стран позднего развития. Это страны с ВВП на душу населения до 2000 долларов в тот момент, когда они переживали нефтяной бум 1970-х (в долларах 1990 года). У этих стран своя траектория развития, они не очень интегрированы в мировую экономику, за исключением сырьевого сектора. Это примерно треть всех стран данной панели.

Среди оставшихся можно выделить две группы стран, которые различаются по другому важному параметру – размеру нефтегазового дохода на душу населения. Есть страны с очень большим нефтегазовым доходом – это преимущественно страны Персидского залива – и страны со средним нефтегазовым доходом, к которым, в частности, относится Россия и относился СССР. В ценах и объемах добычи 2009 года нефтегазовые доходы России оценивались в 2000 долларов на человека, а, скажем, Саудовская Аравия имела годовой нефтегазовый доход около 9000 долларов на человека¹.

Впечатление высокой политической устойчивости стран этой панели в целом создают, во-первых, бедные страны и, во-вторых, страны с большим нефтегазовым доходом на душу населения. Третья группа – это страны со средним уровнем развития (ВВП на душу населения от 3000 до 11 000 долларов) и средними нефтегазовыми доходами на душу населения, и как раз в политическом отношении она не такая уж стабильная. В табл. 1 перечислены страны этой группы и главные события, которые происходили в них с конца 1970-х до начала 2000-х годов. Здесь нефтяные шоки ведут к высокой экономической и политической нестабильности. Это могут быть войны, мягкие трансформации режимов, как в некоторых странах Латинской Америки в 1980–1990-е годы, или крушения режимов (в эту панель, на наш взгляд, следует включать СССР).

¹ См.: Ross M. The Oil Curse. How Petroleum Wealth Shapes the Development of Nations. Princeton, NJ : Princeton Univ. Press, 2012.

Таблица 1. Основные события в странах со средним доходом и средним доходом от добычи нефти, 1980–1990-е годы

Страна	Событие
Сирия	Исламистское восстание, 1976–1982
Иран	Революция, 1979
Ирак	Войны, 1980–1988, 1991
Мексика	Цепь экономических кризисов и утрата монополии Институционно-революционной партии
Венесуэла	Экономическая нестабильность, транзит к мягкому популистскому авторитаризму
Эквадор	Окончание военного правления, 1979; переход к демократии
Перу	Окончание военного правления, нестабильная демократия
СССР	Военная агрессия, 1979; распад, 1991

Россия, относящаяся по своим показателям к именно этой группе стран, находится в зоне, применительно к которой общий вывод о высокой устойчивости нефтяных стран к экономическим шокам релевантен в наименьшей степени. Это не статистический вывод, это – наблюдение.

Политэкономия нефтяного бума 2004–2014 годов

Структурный подход заключается в сравнении политических и нефтяных циклов в России, к которому уже частично обращался Евсей Гурвич. И рассматривая ситуацию в политико-экономической перспективе, мы можем выделить две модели. Для первой характерны высокая консолидированность элит,

политическая централизация и значительный масштаб централизованного перераспределения ресурсов на фоне высоких (растущих) доходов от нефтегазового экспорта, для второй – соперничество элит, политическая децентрализация и сокращающийся (относительно незначительный) масштаб централизованного перераспределения на фоне низких доходов от нефтегазового экспорта. Отчетливо разница между двумя этими моделями прослеживается на двух фазах первого суперцикла: начало 1970-х – начало 1980-х (брежневская эпоха) и 1985 – начало 2000-х (эпоха Горбачева – Ельцина), о чем и упомянул Гурвич.

Что касается последней эпохи высоких цен на нефть (2004–2014), то, как отметила уже Наталья Акиндинова, можно выделить два периода в рамках этого нефтяного бума: 2004–2008 и 2010–2014. Во втором периоде доходы от экспорта были в 1,7 раза выше, чем в первом. При этом реакция экономики на нефтяные сверхдоходы существенно отличалась от реакции в первом периоде: среднегодовые темпы роста экономики составили 7,1% в первом периоде и 3,1% во втором, среднегодовой прирост инвестиций соответственно 15,6% и 4,4%, прирост реальных располагаемых доходов – 10,3% и 3,3%. В то время как нефтяные цены (в годовом выражении) достигли абсолютных пиков в 2011–2012 годах, в 2010–2011 годах резко замедлился рост доходов граждан, а в 2012 году – инвестиционная активность и темпы роста экономики.

Надо отметить, что для развивающихся стран низкие темпы роста являются существенным вызовом. Особенности (неравенство) распределения дохода в этих странах ведут к тому, что рост экономики на 2–3% практически не сказывается на ситуации в большинстве домохозяйств. Поэтому нет ничего удивительного в том, что в 2011–2012 годах поддержка политического режима в России начала резко ослабевать в условиях абсолютного пика нефтяных цен. В результате выборный цикл 2011–2012 годов был пройден со значительным напряжением, что поставило под угрозу сложившиеся механизмы поддержания авторитарной стабильности.

В то же время необходимо отметить еще одну особенность второй фазы последнего нефтяного бума в российской экономике: примерно на 5 п.п. возросли в 2010–2014 годах (по сравнению с 2004–2008 годами) ежегодные расходы бюджета расширенного правительства (с 31,7% до 36,6%). Одновременно, как уже

отметила Лилия Овчарова, происходили сдвиги в структуре доходов населения: доля социальных выплат в доходах увеличилась, а доля доходов от предпринимательства и собственности сократилась (рис. 1). Наконец, с 2012 года начался ускоренный рост зарплат в публичном секторе, значительно опережавший динамику зарплат в среднем по экономике.

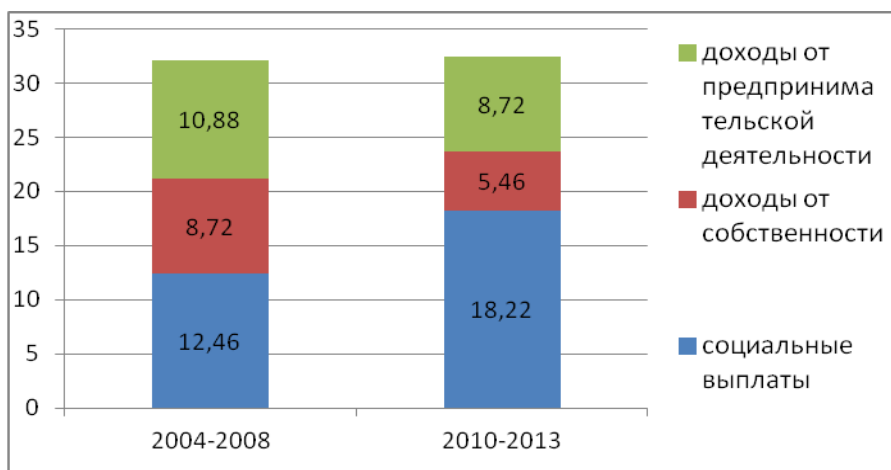

Рис. 1. Сдвиги в структуре незарплатных доходов населения (доля в общих доходах, %)

Иными словами, если в первом периоде именно высокие темпы экономического роста, стимулировавшие рост доходов граждан, были основным фактором социальной стабильности, то во втором они перестали играть эту роль и были компенсированы расширением перераспределения доходов от внешней торговли через бюджетные каналы. Если в первом периоде основным источником роста благосостояния был рынок, то во втором – государство, рыночные факторы стали играть меньшую роль. Причем следует, видимо, говорить о двух системах перераспределения ренты – формальной и неформальной, подразумевая под формальной рост социальных выплат и более быстрый рост зарплат в публичном секторе, а под неформальной – различные неофициальные доходы групп, связанных с распределением и освоением бюджетных средств.

Указанием на динамику неформального перераспределения доходов (коррупционная рента) может служить представленная на рис. 2 динамика продаж автомобилей премиум-класса. Как видим, если динамика продаж новых автомобилей в целом замедлилась в тот момент, когда замедлились средние темпы роста доходов, то в премиум-классе этого не происходило. То есть при стагнации доходов по экономике в целом в 2013–2014 годах в наиболее

обеспеченной группе, видимо, продолжался их рост, также как и в публичном секторе.

Рис. 2. Динамика продаж автомобилей в России (по данным Ассоциации европейского бизнеса) и динамика реальных доходов, 2010–2014 годы

Таким образом, мы видим две группы бенефициаров новой модели стабильности, характерной для 2012–2014 годов и пришедшей на смену модели 2005–2008 годов. Для этой модели характерна стагнация экономического роста и доходов в непубличном секторе, рост бюджетных расходов и рост доходов групп, связанных с формальным и неформальным перераспределением ренты. Расширяющееся нерыночное (бюджетное и неформальное) перераспределение доходов стимулировало консолидацию определенных государственных институтов, прежде всего силовых. Менялся характер политических коалиций: те, кто был в большей степени связан с рынком, утрачивали свое значение в этих коалициях, а роль тех, кто контролировал процесс консолидации и перераспределения ресурсов, возрастала.

В целом описанный здесь процесс вполне согласуется с политэкономической моделью «нефтяного проклятия» в развивающихся странах, предложенной Майклом Россом в его упомянутой выше книге. В фазе нефтяного бума правительства здесь стараются максимально консолидировать ренту в своих руках, в том числе и за счет национализации нефтегазовых компаний. В результате они, с одной стороны, абсорбируют риски волатильности доходов в

государственных финансах, а с другой – вынуждены отвечать на возрастающий спрос на политику перераспределения (здесь уместно вспомнить о политических угрозах фазы высоких цен): оттесняя от ренты конкурирующие элиты, они вынуждены проводить более популистскую политику. «Расширение» государства ведет к вытеснению частных инвестиций и замедлению темпов роста. И как раз в этот момент, когда государственные финансы несут максимальную нагрузку по поддержанию темпов роста и социальной стабильности, цены начинают снижаться. И это та самая ситуация, в которой мы оказались.

В целом же, как видим, новый период высоких цен на нефть (с 2004 года) сопровождался возрастающей степенью централизации власти, консолидацией элит и расширением практики централизованного перераспределения ресурсов, особенно в 2010–2014 годах. При этом политический режим становился более авторитарным, консолидировались его институты, ответственные за «охрану» и перераспределение ренты.

Эффекты обратной адаптации

Резкое сокращение внешних доходов экономики в связи с падением цен на нефть само по себе является, безусловно, огромным вызовом. При этом, как было показано выше, складывавшаяся в последние годы модель социально-экономической стабильности связана с ростом масштабов перераспределения ресурсов и, в сущности, с ростом нагрузки на государственные финансы при ослаблении рыночных факторов роста.

О базовом выборе, перед которым окажется правительство, было уже много сказано: сохранять масштабы перераспределения ресурсов через бюджет, что приведет в достаточно короткой перспективе к необходимости либо повышения налоговой нагрузки, либо эмиссионного финансирования, или сокращать масштабы перераспределения, надеясь на оживление деловой активности. Отметим, что эмиссионное финансирование дефицита в общем случае будет вести к перераспределению средств в пользу рыночного сектора, в то время как усилия правительства по поддержанию бюджетных расходов на высоком уровне и последующее сокращение дефицита за счет фискальной консолидации приведут к дальнейшему закреплению государственно-капиталистической модели и дальнейшему ослаблению рыночных факторов.

В целом же необходимость адаптации к новым реалиям и равновесиям формирует политические риски двух родов. Во-первых, общее снижение уровня жизни (реальных располагаемых доходов) и стандартов жизни (снижение доходов в долларовом выражении) снизит уровень удовлетворенности граждан и поддержки ими текущего режима; во-вторых, адаптация экономики к новым условиям будет сопряжена с тем или иным перераспределением издержек кризиса. Тот факт, что одни страны переживают такие кризисы без серьезных политических потрясений, а другие нет, по всей видимости, в немалой степени связан с тем, какие стратегии адаптации выбраны, как перераспределяются этими стратегиями издержки кризиса между разными группами населения и элит.

Какие альтернативы при выборе стратегии адаптации возможны? Если говорить о больших социальных группах, то можно условно разделить российскую экономику на три сектора – публичный, корпоративный, имея в виду прежде всего крупные корпорации, и полупформальный (малый бизнес, неформальная занятость). И распределение издержек кризиса между этими секторами – это первый выбор. Второй выбор – это то, как распределяются издержки между населением и элитами, и третий – как они распределяются между разными типами элит.

Образцом типового кризисного конфликта интересов стали выступления дальнобойщиков. Государство хочет сократить издержки на инфраструктуру, задействовав механизм концессий. Помимо сокращения издержек, это позволяет поддержать определенные элиты, предоставив им фактически право самостоятельно собирать средства на исполнение инфраструктурных обязательств (в данном случае плату через систему «Платон»). Однако выясняется, что для дальнобойщиков (это и малый бизнес, и полупформальный сектор) это означает рост издержек на фоне резкого ухудшения конъюнктуры рынка. Подоплека конфликта еще и в том, что реальная ситуация в полупформальном секторе в данный момент хуже, чем в секторе, связанном с государственными расходами. По сектору, ориентированному на частного потребителя, сокращение частного потребления на 10% ударило даже сильнее, чем по сектору, связанному с бюджетом, где правительство стремится поддерживать расходы на прежнем уровне в рублевом выражении. Фактически стратегия правительства состоит в том, чтобы максимально сохранять социальные расходы, а также расходы на поддержку крупных предприятий (через госзаказы и госзакупки), однако это в конечном счете ведет к росту фактической

налоговой нагрузки на прочие сектора. Это первый типовой конфликт: поддержка части экономики, связанной с бюджетом, оборачивается дополнительной нагрузкой на рыночный и полужформальный сектора.

Второй типовой конфликт для развивающихся стран в условиях внешнего шока – это конфликт интересов элит с фиксированным и элит с мобильным капиталом. Элиты с фиксированным капиталом, у которых капитал находится в стране, заинтересованы в денежной и бюджетной экспансии. И как следствие этой экспансии, скорее всего возникнет необходимость регулировать потоки капитала, то есть вводить ограничения. В таких ограничениях, в свою очередь, очень не заинтересованы элиты, которые имеют мобильный капитал (у них капитал находится и внутри и вне страны), для них это огромная потеря. При этом элиты с мобильным капиталом серьезно ослаблены агрессивной внешней политикой последних лет и автаркическим дрейфом режима. Вместе с тем страх Кремля перед эмиссией не позволяет первой группе одержать решительную победу. Однако схватка за влияние на экономическую политику между этими группами будет усиливаться в случае продолжительного периода низких цен.

Общий механизм политической разбалансированности в условиях кризиса состоит в том, что, по мере того как режим теряет поддержку населения, уровень лояльности элит снижается, в результате режим все в меньшей степени способен эффективно управлять межэлитными конфликтами. А поскольку дефицит ресурсов нарастает, нарастает и острота конфликтов вокруг стратегий перераспределения издержек кризиса.

Политическая мобилизация в России в 2014–2015 годах (так называемый эффект rally around the flag) играет, вероятно, существенную роль в том, что издержки первого года кризиса не привели к политической дестабилизации. При этом следует иметь в виду, что, во-первых, и население и элиты, исходя из опыта предыдущих двух кризисов, были настроены на V-образную его траекторию, а во-вторых, что значительное падение зарплат и доходов, которое наблюдалось на протяжении первого года, пока лишь отбросило эти показатели во вторую половину 2011 года. Эта ретардация не выглядит критической после почти 15 лет роста доходов. Однако эти факторы, объясняющие «ослабленную» реакцию организма на болезнь, в среднесрочной перспективе могут вести к ухудшению ситуации, так как снижают стимулы к лечению болезни.

В результате «перераспределительного дрейфа» последних лет, являющегося, по сути, стандартным эффектом «нефтяного проклятия», элиты, ориентированные на перераспределение ренты, оказались перед лицом резкого сжатия доступных ресурсов, а элиты, способные к рыночной экспансии, находятся под гнетом серьезных политических и институциональных ограничений. И этот баланс сил будет препятствовать структурной перестройке экономики, необходимой для ее адаптации к новым внешним условиям.

СЕМЬ ТОЩИХ ЛЕТ: РОССИЙСКАЯ ЭКОНОМИКА НА ПОРОГЕ СТРУКТУРНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ

МАТЕРИАЛЫ КРУГЛОГО СТОЛА

Под редакцией Кирилла Рогова

Ответственный за выпуск *М. Ледовский*

Редактор-корректор *Е. Никитина*

Дизайн *М. Ратинова*

Верстка *К. Бибо*